

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

**ПРЯМАЯ
РЕЧЬ**

ИЗБРАННОЕ
ТЕТРАДКА ВОСЬМАЯ

Владивосток
«Русский Остров»
2024

УДК 82
ББК 84
Т93

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА НАРОДНАЯ КНИГА

ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОВМЕСТНО
С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «РУССКИЙ ОСТРОВ»
(ДИРЕКТОР **АЛЕКСАНДР ЯКОВЕЦ**), ПРИМОРСКИМ
ОТДЕЛЕНИЕМ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА — ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО
КРАЯ (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **АЛЕКСЕЙ БУЯКОВ**)

Директор программы **ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА**

Серия ПОЭЗИЯ. Двадцать четвёртая книга серии

Тыцких, В.М.

Прямая речь / В.М. Тыцких. — Владивосток: Изд-во «Русский
Остров», 2024. — 208 с.

Новая книга — всегда событие в жизни поэта. А порой бывает — и в жизни поэзии. Так происходит, когда автор поднимает темы, «не подверженные тленю». Нравственный выбор определяет содержание творчества. В поэтическом мире, тщательно и ответственно создаваемом Владимиром Тыцких, нет места изменам, предательству, обману, необоснованным осуждениям. Во всех книгах поэта остаётся неизменным главное. Родина. Служение Родине. Чистота человеческих отношений. Новый, восьмой поэтический сборник избранного Владимира Тыцких — не исключение.

ISBN 978–5–93577–314–4

УДК 82
ББК 84

© «НАРОДНАЯ КНИГА», 2024
© Владимир ТЫЦКИХ, 2024
© Ли́дия ДОВЫ́ДЕНКО,
предисловие, 2024

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Спасибо за поддержку "Народной книги"
Владимиру Гостышеву (г. Арсеньев)
и Александру Яковцу (г. Владивосток).
Безграничная прикательность и безмерная
благодарность Павлу Монастырскому,
взявшему на себе все расходы по изданию
этого сборника

Ильвира Кочетова

РАСТВОРИМСЯ В ВЕЛИКОМ НАРОДЕ

*Поэтом быть — одна из высших форм
Высокого российского гражданства.*

Владимир Тыцких

Поэзия Владимира Тыцких, органичная, мужественная, — это высь небесная, и воздух эпохи, и аура толщи народной, в которой корни правды и справедливости, исток художественной реальности, целостности, исток национального духа, поднимающегося над мелкотравчатостью к молитвенному служению, подвижничеству.

По млечному пути и по острию важнейших тем идёт автор сборника («но я пойду по острию»), и для него имеет проникновенный, пронзительный смысл — беззаветно быть преданным Отечеству, оставаться мужчиной, любить свою семью и близких людей изо всех сил.

*А Млечный путь крестами вышит
Тех звёзд, что смотрят с высоты
На наши звёзды и кресты...*

Новая книга — всегда событие в личной, собственной истории жизни поэта, а возможно,

и в современной русской поэзии, потому что поднимает темы, «не подверженные тленью». И таким образом, я думаю, как и многие его читатели, Владимиром Тыцких делается такой выбор, чтобы тщательно избегать измены, предательства, осуждения, слабости, неся бремя человечности. Благородный огонь души не гаснет и рвётся в поэтические строчки:

*...И всё-таки в судьбу связать события,
И замыслы большие, и дела —
Пусть малые, но, может быть, кому-то
Принёсшие хоть толику уюта,
Хоть капельку душевного тепла;
Или, по крайней мере, не ославить
Друзей, достойных только лучших слов,
И не копить обиды на врагов,
А в свой черёд уйти и не оставить
Ни тем и ни другим своих долгов...*

Целостное Я поэта обладает способностью воспринимать и выражать в образах космос другого Я, способностью не отделять свою судьбу, свою жизнь от судьбы и повседневной жизни народа, не находя возможности опустить эпитет «великий»:

Сольёмся с толпой,
 растворимся в великом народе.
Кто левый, кто правый –
 ну, кто нас, к чертям, разберёт?
Счастливое время
 само по себе не приходит,
Несчастное время само никуда не уйдёт.

Но кто запретил нам
 в хорошее верить и даже
Хоть что-нибудь делать
 для пользы землицы родной,
Где, как ни таись перед временем,
 дело покажет,
Кто левый, кто правый,
 кто свой для неё, кто чужой?
 (ЛЕВЫМ-ПРАВЫМ)

Духовно-нравственная доминанта поэта:
«Я жизнь свою запоминал стихами...», «Все
на свете – великая тайна...», «Правды горькой
не умею скрыть», и вместе с тем это так похоже
на моление Христа: «чашу эту мимо пронеси»:

Судьба моя не балует меня,
Ждать снисхожденья от неё напрасно.

*Прошу тепла – она даёт огня,
А погасить его уже не властна.
Пред вечностью беспомощно мала,
Она, ещё не названа, не зрима,
И до меня уже всегда была,
Растворена в судьбе земли родимой.*

В век общественной турбулентности он призывает «пристегнуть ремни», беречь себя и свою душу, свой свет, ведь мы уникальны, и «нас нельзя пересказать, // как мы смеёмся, плачем, дышим...»

Мы стали свидетелями того времени, когда земля превратилась в планету беженцев, когда войны и природные катаклизмы срывают с родных мест семьи и целые народы:

ЗИМА 1990 ГОДА

В России появились беженцы.

Из новостей

*...В лицо плевком, в окошко камнем,
Картечью в грудь...
Так все мы беженцами станем
Когда-нибудь.*

И впрямь – сначала было слово
И лишь потом
Война миров, поход крестовый,
Джихад, погром!

Одним вошло в дурной обычай
Речами течь.
Другим смолчать
 стократ привычней
И – в землю лечь.

Чьё слово завтра отзовется
Какой бедой?
Кому тогда принять придётся
Последний бой?

Февраль. В Можайске плачут дети.
Ну, что с них взять?..
Снег, что растаял
 в тех столетях,
Идёт опять!

Для Владимира Тыцких священны дружба,
поэзия и поэты, их надёжность... ветераны Ве-
ликой Отечественной войны, победные песни,
огни берега Золотого Рога, русские воины.

*От века, то темнея, то светлея,
Родное небо знает наперёд:
Всё догорит, развеется, истлеет
И снова загорится и взойдёт.*

*И память, не подверженная тленью,
Итог последний подведёт сполна:
Вся жизнь тебе давалась на мгновенье,
Но вечные связала времена.*

*В них места нет забвенью и разлукам,
И широко в пределах дорогих
Живёт земля твоих детей и внуков
Под древним небом пращуров твоих.*

Есть такое понятие — «воин», но еще более высокий смысл у понятия «Русский воин», которое связано с несокрушимым духом, победой над самым сильным врагом, до встречи с русским воином считавшимся непобедимым. Владимир Тыцких — поэт и воин, поэтом для него:

*Самое высокое звание в жизни — быть воином,
выше этого — только звание русского воина.*

**Адмирал флота Советского Союза
Иван ИСАКОВ (Тер-ИСААКЯН).**

Я – воин. Даже больше –
русский воин.
Хранящий русский дух
и русский стиль.
Суворов, Котляревский и Истомин,
Лазо, Ковпак, Момыш-улы, Джалиль...

Ищи, стратег немецкий и французский,
Среди бурят, аварцев и армян,
Ищи меня, ищи – я воин русский:
Смушкевич, Зорге, Тер-Исаакян.

Со мной в бою, в разведке и в дозоре
Барклай-де-Толли и Багратион,
Гаджиев, Амет-Хан, Василий Порик –
В бессмертном списке тысячи имён.

Я зла не помню. Дверь моя открыта.
Но ран моей земли не бреди
И никогда, вояка недобитый,
На выстрел до неё не подходи.

Сдавай боезапас, глуши моторы,
Не накликай на белый свет беду!
А посягнёшь на русские просторы,
Не суешься – я сам тебя найду.

Эти гнев и отчаянная решимость, непримиримость, пережитое страдание, трагическое предчувствие «русского креста» и пути его в истории, возможной схватки лирического героя поэзии Владимира Тыцких — это огненный меч его народа, постоянно в веках возрождающий истерзанный мир верой в свет и добро.

Но вѣдом поэту и рецепт счастья:

*Счастливым быть легко и просто,
Мне дело это по плечу...*

Счастье для него в единении с природой на Русском острове, на мысе Песчаный, в поездках в Находку, в Терней, но главное — присутствие рядом любимого человека, мысли о маме:

*Далеко-далеко. Высоко-высоко.
Свет не гаснет.
Неземной, несказанный, живой
и до боли родной.
Мама, я уже знаю, что жизнь —
очень краткое счастье.
Мама, слышишь! Спасибо,
что ты поделилась со мной...*

А ещё есть счастье творчества:

*Запарю чай в китайском
жёлтом чайнике,
Тупые подточу карандаши
И запишу слова, почти нечаянно
Собравшиеся в глубине души.
Слова о том, что нам дано пока ещё
Из полной чаши жизни пригубить...*

А как пронзительно счастье — понимать, кто дарован тебе в твоём окружении, в дружбе, в памяти о друзьях и близких, в новых встречах с замечательными людьми:

*Мир за окном велик и многолюден,
Да тех уж нет, а те уже далече.
И знаешь — встречи никакой не будет,
И всё-таки надеешься на встречу...*

Говорить и сознавать истину, чувствовать ее интуитивно, сохранять душевность, человечность, носить в себе Божественность небес по плечу только сильным духом людям, которые чаще всего не на слуху, не «в телевизоре», не в СМИ, а живут почти в неизвестности, неся

Такой уродилась, и всё же
Мечтает дожить до рубля.

В том смысла ни капельки нету,
Поскольку во тьме и в тоске
Различных достоинств монеты
Томятся в одном кошельке.

Поэзия помогает вырваться из тьмы. Но свет
никому не даётся легко, в том числе и поэту:

...А у величеств, у высочеств
Свой путь – один на целый свет...
Мир – сумма многих одиночеств.
Соединяет их поэт.

Он времена былые слышит,
В нём дали новые звучат,
Пускай прозаики не пишут,
Пусть глухо критики молчат.

Открытьям дня и тайнам ночи
Ни счёта, ни пределов нет.
Мир состоит из многоточий.
А заполняет их поэт.

*И – в сердце боль. И – рвутся жилы.
Глаза в слезах. Душа в крови...
Но ничего бы не сложилось
Без этой муки и любви.*

Народ, предавший свои традиции, свой род, свои погосты, свою веру, обречён на гибель, и поэту важно предупредить об этом свой народ:

*Но подлый предал, слабодушный струсил,
И время с гулом покатилося вспять.
Зашлись, заныли «зайки», «муси-пуси»,
И перестали «Валенки» звучать.*

*Как глупо и необъяснимо быстро
Мы целый мир отправили в распыл!..*

Как писала Марина Цветаева «На твой безумный мир ответ один – отказ!», так лирические герои Владимира Тыцких затаённо, не на показ хранят в душе веру в светлую радость, высокий запас чести, предчувствуя грядущие битвы:

*И не было бы ни донбасских списков
Расстрелянных бандитами детей,*

*...вовсе не из пошлых шуток
протухших телесмехачей,
заморских дач, дешёвых шмуток,
продажных СМИ, газетных уток,
заблудших душ, пустых речей,
самовлюблённых богачей,
глупцов, мажоров, проституток
и прочих разных сволочей.*

*Мы с ними, кажется, ходили
и в детский сад, и в первый класс,
мы их домой к себе водили,
пока они не обнажили
себя и в профиль и анфас,
не доказав нам тыщу раз,
что мы без них бы лучше жили.
но сдохли бы они без нас.*

Да, прав Владимир Тыцких:

*Поэтом быть – одна из высших форм
Высокого российского гражданства.*

У него прочнейшая духовная связь с его лирическими героями – Героями Советского Союза и России, ветеранами войн и святыми

подвижниками, подлинными русскими поэтами и друзьями нашего Отечества.

*И если вдруг темно бывает,
То в сердце зажигают свет
Орлов, Твардовский и Джабаев,
Джалиль, Гамзатов и Хикмет...*

И — с родными и близкими людьми, которые живут почти инкогнито, но достойны самых лучших слов.

Изо всех сил противостоят они кощунству, богохульству, твердо веря в Божий Промысел и его гнев на врагов России, на несправедливость, ложь, лихоимство и коррупцию, русофобов всех мастей, иноагентов и прочей шушеры.

Океаны живой воды омывают берега Родины, вдохновляют лучших поэтов на самоотдачу чистых сердец во имя русской Вселенной в хрустальных, родниковых звуках русской речи.

Лидия Владимировна ДОВЫДЕНКО,
главный редактор журнала «Берега»,
секретарь Союза писателей России,
кандидат философских наук.
г. Калининград.

ЗАДАЧА

Без лишних заблуждений обойтись
И избежать поверхностных суждений
О жизни, даже если эта жизнь
Упорно избегала объяснений,
Когда ты рвался вверх, а падал вниз
И шариком воздушным вдруг повис
Меж небом и землёю, за карниз
Дрожащей тонкой зацепившись нитью, –
И всё-таки в судьбу связать события,
И замыслы большие, и дела —
Пусть малые, но, может быть, кому-то
Принёсшие хоть толику уюта,
Хоть капельку душевного тепла;
Или, по крайней мере, не ославить
Друзей, достойных только лучших слов,
И не копить обиды на врагов,
А в свой черёд уйти и не оставить
Ни тем и ни другим своих долгов.

ВЫБОР

Под солнцем травы прорастают,
А корни в пепле и золе...
Я выше птиц и звёзд взлетаю,
Но спотыкаюсь на земле.

Со мною вера и сомненья.
Живу, ликуя и скорбя.
И главным камнем преткновенья
Сам для себя бываю я.

Разноречив мой трудный опыт.
Но выбор обнажённо прост:
В бою упасть на дно окопа
Или — подняться в полный рост!

* * *

Судьба моя не балует меня,
Ждать снисхожденья от неё напрасно.
Прошу тепла — она даёт огня,
А погасить его уже не властна.

По горлу, обжигая, хватит зной —
Она, беде моей не то чтоб рада,
А всё-таки проходит стороной,
Не слушая, как я молю прохлады.

Моя судьба — сестра любви моей,
Она до боли на неё похожа,
Даётся с каждым годом всё трудней
И с каждым днём становится дороже.

Никак я разгадать её не мог:
Запутавшись в её бегущих тропах,
Спешу — она меня сбивает с ног,
Остановлюсь — она меня торопит.

Пред вечностью беспомощно мала,
Она, ещё не названа, не зрима,
И до меня уже всегда была,
Растворена в судьбе земли родимой.

Она в родстве с Отчизною живёт,
И пусть её владений сторонится,
Кто этого родства не признаёт,
Кто, ненавидя, как огня боится.

* * *

Добро должно быть с кулаками.
Станислав КУНЯЕВ

Дела, увы, не без изъяна:
В полоску жизнь, как тельник мой.
Опять я не из океана
Не возвращаюсь не домой.

Когда б ещё моей дорогой
Шёл к цели кто-нибудь другой...
Нас в океане было много —
Теперь он русским, как чужой.

Да и Земля как будто тесной
Вдруг стала, сдвинув рубежи:
Нам помирать хватает места,
Да всё трудней найти, где жить.

Мы там и тут, но как-то мимо,
Не вовремя и не причём.
За что-то платим мы полмиру,
Полмиру мы должны ещё.

Чужие нам родные дали
И даже отчие дома,
А что покуда не отняли,
То завтра скупят задарма.

Беда, конечно, не в гектарах,
Не в расстояньях от и до...
Не вор у нас сидит на нарах —
Воров не трогает никто.

И у причалов всех австралий
Всё больше трётся ихних яхт...
Здесь жизни нет. Но мы едва ли
Сумеем жить и в тех краях.

И головою, и руками,
И сердцем — мы навеки здесь.
«Добро должно быть с кулаками».
Ты знаешь, в этом что-то есть!

1990-е

* * *

Всё, что начнётся, совершится быстро:
И этот день, и этот разговор,
И над костром взлетающие искры,
И тёплый дым костра, и сам костёр.

От века то темнея, то светлея,
Родное небо знает наперёд:
Всё догорит, развеется, истлеет
И снова загорится и взойдёт.

И память, не подверженная тленью,
Итог последний подведёт сполна:
Вся жизнь тебе давалась на мгновенье,
Но вечные связала времена.

В них места нет забвенью и разлукам,
И широко в пределах дорогих
Живёт земля твоих детей и внуков
Под древним небом пращуров твоих.

* * *

Далеко-далеко! Как уйдёшь,
то уже не вернёшься.
Высоко-высоко. Улетишь, и следа не видать.
Я не буду кричать.
Только ты всё равно отзовёшься.
Я не буду просить.
Только ты всё отдашь мне опять.

Я не помню, когда первый раз
тебе вымолвил: «Мама!».
Только ты это помнишь
на всём белом свете одна.
Будет тропка от нашего дома
дорогою к храму.
Ты её одолеешь, и мне она станет видна.

Потеряю, заброшу,
смирюсь с безутешной потерей,
Ты отыщешь её, сбережёшь
и на место вернёшь.
Разобью кулаки
перед запертой наглухо дверью,
Ты откроешь её
и меня за собой проведёшь.

Не найду, что сказать,
ты слова потихоньку подскажешь.
Не пойму, что к чему,
ты заплачешь, но всё объяснишь.
Я уйду в океан и увижу —
ты с берега машешь;
Возвращусь из похода,
а ты на причале стоишь...

Далеко-далеко. Высоко-высоко.
Свет не гаснет.
Неземной, несказанный,
живой и до боли родной.
Мама, я уже знаю, что жизнь —
очень краткое счастье.
Мама, слышишь! Спасибо, что ты
поделилась со мной.

* * *

Слова забытого ромansa
Тревожат пламя у свечи.
Мечта, устав от долгих странствий,
В душе смирившейся молчит.

Стихает жар желаний грешных.
Скромней и мысли, и дела.
Обидна всё-таки поспешность,
С которой молодость ушла.

Былого времени картина —
Как мимолётный взмах крыла.
Печаль мелодии старинной
Неповторима и светла.

Не так задумчиво и плавно —
Казалось, слышат небеса! —
Звучали здесь ещё недавно,
Похоже, наши голоса.

Семь тонких струн звенели звонче,
И песня, может, в сотню раз
Была уверенней, и громче,
И веселее, чем сейчас.

И тихо девочка сидела,
Готова слушать без конца
Подряд все песни, и глядела
На очень юного певца.

Весна в рожок играла скерцо,
А осень ударяла в медь.
И всё любви молило сердце,
Чтоб на костре её сгореть...

* * *

Четыре холодных шершавых стены,
За синим окном — знаменитая бухта.
Ещё не разгаданы вещие сны,
И мы не знакомы с тобою как будто.

Ты будишь меня телефонным звонком,
Я что-то шепчу о капризах погоды.
Ах, что мы! Опять говорим не о том.
А в трубке ворчат: «Ваше время выходит».

Меж нами январские вьюги метут.
Все аэропорты надолго закрыли.
Кончатся десять летящих минут,
А мы бы с тобою всю жизнь говорили...

Я слышу — далёкий твой голос дрожит,
Я знаю, что время у нас драгоценно...
Беда, как придёт, уходить не спешит,
А радость случится —
 промчится мгновенно.

* * *

Был понедельник или воскресенье
Тому назад не помню, сколько лет,
И ты была с утра не в настроенье,
И мне казался чёрным белый свет.

С тобою дней таких и до, и после
Мы пережили, может быть, штук сто.
В такие дни мы не ходили в гости,
И, слава Богу, к нам не шёл никто.

Все эти драматические были
Закончиться трагически могли:
Представь себе, что мы горшки побили
И разошлись, как в море корабли.

Представь себе, ты больше не любима,
А если и любима, то не мной,
И я твоих незрячих окон мимо
Иду, допустим, к женщине другой.

Сюжет банальный сильно интересен,
Но, чтобы не остаться на бобах,
Мы петь не станем популярной песни
О противоположных берегах.

Ещё всплакнём и посмеёмся вместе
И в доме будем сохранять уют,
А эту замечательную песню
Другим оставим — пусть себе поют.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

День, пускай не самый лучший,
Но подарен был судьбой.
Что ж сидим, две тёмных тучи —
Ты, да я, да мы с тобой!

Может, взять и выпить чаю, —
Молча я тебе скажу...
Я от чая, замечаю,
В настроенье прихожу.

Ложка мечется в стакане.
Сахар тает не спеша.
Да нашла коса на камень —
На твою моя душа.

Может, включим телевизор
И посмотрим сериал? —
Я последний брошу вызов
И пройду из кухни в зал.

И глядим в дурацкий ящик,
И молчим наперебой,
Друг от друга словно прячась, —
Ты, да я, да мы с тобой.

Отчего ж печаль-кручина?
В жизни, в общем, всё — вполне:
Во дворе цветёт рябина,
В небе звёзды при луне...

Ладно, сдамся я без боя,
Отмолю свои грехи:
Помирюсь сейчас с тобою —
Посвящу тебе стихи!

* * *

Счастливым быть легко и просто,
Мне дело это по плечу:
Вот, соберусь на Русский остров,
На мыс Песчаный укачу.

Могу отправиться в Находку,
Могу добраться до Лазо.
Пусть не будет путь коротким —
В Терней поехать есть резон.

Там тигры ходят по бульвару,
Там воробьи орлов смелей...
Давай махнём с тобой на пару
В Терней хотя б на пару дней.

И рыбы выползут на сушу,
И днём у суши на краю
Я шепечу тебе: — Послушай,
Как рыбы весело поют!

А ночь придёт, скажу тебе я:
— Смотри, любимая жена,
Какие звёзды над Тернеем —
Пред ними даже ты бледна!

Потом ответу — нет вопросов —
Тебе на твой вопрос любой...
Счастливым быть легко и просто,
Когда ты рядышком со мной.

Запарю чай в китайском
жёлтом чайнике,
Тупые подточу карандаши
И запишу слова, почти нечаянно
Собравшиеся в глубине души.

Слова о том, что нам дано пока ещё
Из полной чаши жизни пригубить...
О, как ты неохотно просыпаешься!
Пора. Вставай. Идём детей будить...

* * *

Полуночный пейзаж в оконной раме,
С чего-то вдруг встревоживший

немного:

Владивосток с горящими огнями
По берегам вдоль Золотого Рога.

Ну, кто поймёт и объяснить сумеет?
И непонятно, и необъяснимо,
Зачем и почему так сердце млеет,
Как будто жизнь сейчас проходит мимо.

Скажи, давно ли с добрыми друзьями
Тебя встречал и провожал в дорогу
Владивосток с горящими огнями
По берегам вдоль Золотого Рога?

Мир за окном велик и многолюден,
Да тех уж нет, а те уже далече.
И знаешь — встречи никакой не будет,
И всё-таки надеешься на встречу...

* * *

Перепишу свою жизнь, исправляя ошибки,
начисто, набело, наново, наверняка.

Что в ней останется,
кроме прощальной улыбки
грешницы той, что любила меня дурака?

Что в ней останется,
если я вычеркну страсти,
горе и боль, и предательства бывших друзей?

Буду ли так в новой жизни
мучительно счастлив,
буду ли радостно так виноват перед ней?

Что мне достанется? Очень здоровое сердце,
смирно забывшее, чем волновалось оно?..

Вот: я варю себе кашу без соли и перца.

Вот: закрываю от всякого шума окно.

В банке стеклянной
кормлю своевременно рыбок.

В баньку без пара хожу и живу по уму.

Господи, как хороша без грехов и ошибок

долгая жизнь!

Только жаль — не нужна никому...

ПРОГРАММА НОВОСТЕЙ

Весь белый свет в слова наряжен.
В палитре слов густая каша:
Пыльца цветка, и с дёгтем сажа,
И горний свет, и злая тьма.
И ты, и я. И жизнь сама.

Мы ничего не перескажем.
Подкрасим, подотрём, подмажем.
Перечеркнём крест-накрест даже
И всё с нуля начнём опять...
И нас нельзя пересказать.

Как мы смеёмся, плачем, дышим.
Какие звуки лучше слышим,
Кто в храм вошёл, кто был да вышел,
Что знают и таят сердца,
Никто не скажет до конца.

Те слёзы льют, те злобой пышут,
Мы то молчим, то гладью пишем,
А Млечный путь крестами вышит
Тех звёзд, что смотрят с высоты
На наши звёзды и кресты.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА

Беда не по плечу и не по росту:
Где был силён, там оказался слаб —
Душа корявой обросла коростой
И стала жёсткой, как сухой ухаб.

Бескрылая, она не отлетела
В иные — справедливые — миры,
А просто обернулась частью тела,
Оглохнув и ослепнув с той поры.

Горя зимою, замерзая летом,
Волчком крутясь, не веря в чуда,
Она в себе не сохраняет света
И не глядит на Божьи небеса.

Преодолеть безвыходность развала
Доступно только ей, живой душе,
Но в ней души уже настолько мало,
Что кажется — и нет её уже.

Не для неё сомнения и жалость —
В ней злая ложь с беспамятством сошлись.
...Признаться в страшной правде ей осталось
И этой правдой, может быть, спастись.

* * *

Ещё звезда ночная упадёт,
Ещё вспорхнёт
 с дрожащей ветки птица,
И снежное молчание пройдёт
И в звон ручейный перевоплотится.

И вновь на свет потянется трава,
И полетит пчела в простор широкий,
И ветер раскачает деревья
И пылью закружится по дороге.

Опять грибные зачестят дожди,
И от костров потянет вечным дымом,
И всё, что было, будет впереди —
И снова станет всё неповторимо.

И не сочтут ни зверь, ни человек,
Не скажут никому родные дали,
В который раз закружит первый снег,
И первый гром в который раз ударит...

* * *

Я много лет назад с тобой простился.
Всё помнишь ты, как будто мне в укор.
Я был красив, но плохо сохранился,
А ты неотразима до сих пор.

Я с бедами был близок, к сожаленью, —
Они за мной ходили дружно вслед.
И не просить же у тебя прощенья
За то, что ты не знала этих бед.

Но мной почти истраченное право
Любить тебя — другим не отдаю.
Ах, юность... Жизнь — великая отравя!
Вот — знаю, чем закончится, но пью.

ДВА ДУРАКА

Сам себе, почти вдогонку,
Так скажу и врать не стану:
Пьяным быть, удрал от жёнки,
Лучше, чем казаться пьяным.

Я давно устал крутиться
И святым питаться духом.
Дураку перо жар-птицы,
Ни пера мне и ни пуха.

У судьбы крепки засовы.
Не словить за хвост удачи.
Я, наверно, непутёвый
И дурак не настоящий.

Чтобы раз — и сразу в дамках
И не хмурить даже брови:
Если шутка — строго в рамках,
Если драка — то без крови.

Влез в ушко — и стал красивым,
Царством сказочным владея...
Я дурак, но быть счастливым
По-дурацки не умею.

Тот, который настоящий
Над бедой моей не плачет.
Но и он сыграет в ящик,
Дуба даст, сказать иначе.

Ни заслуг не чтя особых,
Ни отличий не считая,
Не спросив про цену гроба,
Примет нас земля сырая.

КОПЕЙКА

Ни веса, ни кожи, ни рожи:
По мелочи небо коптя,
Такой уродилась, и всё же
Мечтает дожить до рубля.

В том смысла ни капельки нету,
Поскольку во тьме и в тоске
Различных достоинств монеты
Томятся в одном кошельке.

ПРО СКАЗКУ

Ставенка стукнет в оконную раму.
В трещинах извести на потолке
Медленно вырастет каменный замок
На окружённом прудом острове.

Вспыхнет на глянце воды непроточной
Небо, омытое звёздным дождём.
Старая сказка расскажется ночью,
Чтобы ко времени вспомниться днём.

В чёрной траве у косматых орешин
В тёмном, замшелом, урёмном углу
Вдруг хохотнёт заблудившийся леший
Или споткнётся Яга о метлу.

А вдалеке, за землёй непроезжей,
Там, где дубрава в росе-серебре,
Добрая фея прозрачной одеждой
Прошелестит по шершавой коре.

В каменном замке печаль-Несмеяна,
Глянув в глухое оконце тайком,
Вспомнит с улыбкой, что кто-то Ивана
Поторопился назвать дураком.

* * *

А к слову слово — будет строчка,
И песня слышится уже.
Поэт совсем не одиночка:
Есть он и — музыка в душе.

И небо, и земля, и море,
Взыскующие широты.
И высотой с ними спорят
Деревья, птицы и цветы.

Но от порога и до Бога
Всем — и не стоит морщить лба! —
Своё высочество дорога,
Своё величество судьба.

А у величеств, у высочеств
Свой путь — один на целый свет...
Мир — сумма многих одиночеств.
Соединяет их поэт.

Он времена былые слышит,
В нём дали новые звучат,
Пускай прозаики не пишут,
Пусть глухо критики молчат.

Открытьям дня и тайнам ночи
Ни счёта, ни пределов нет.
Мир состоит из многоточий.
А заполняет их поэт.

И — в сердце боль. И — рвутся жилы.
Глаза в слезах. Душа в крови...
Но ничего бы не сложилось
Без этой муки и любви.

ЗИМА 1990 ГОДА

В России появились беженцы из Азербайджана. Несколько семей с детьми из Гянджи приехали в Можайск.

ИЗ НОВОСТЕЙ

В Можайске медленный и чистый
Кружится снег.
В Гяндже январский ветер свищет,
Как злой абрек.

В лицо плевком, в окошко камнем,
Картечью в грудь...
Так все мы беженцами станем
Когда-нибудь.

И впрямь — сначала было слово
И лишь потом
Война миров, поход крестовый,
Джихад, погром!

Одним вошло в дурной обычай
Речами течь.
Другим смолчать стократ привычней
И — в землю лечь.

Чьё слово завтра отзовется
Какой бедой?
Кому тогда принять придётся
Последний бой?

Февраль. В Можайске плачут дети.
Ну, что с них взять?..
Снег, что растаял в тех столетьях,
Идёт опять!

* * *

Нет, я не знал, хоть говорил, что знаю
О том, кто другом был, а кто врагом.
Была одна земля, как мать родная,
Была одна страна, как отчий дом.

Встречаясь, мы друг другу руки жали,
Прощаясь, обнимались, как родня.
И нас друзья за верность уважали,
А недруги боялись, как огня.

Они, смешно кичась собой, глазели
С завистливых заморских берегов,
Как мы о лучшем будущем радели,
Среди друзей не разглядев врагов.

Но подлый предал, слабодушный струсил,
И время с гулом покатилося вспять.
Зашлись, заныли «зайки», «муси-пуси»,
И перестали «Валенки» звучать.

Как глупо и необъяснимо быстро
Мы целый мир отправили в распыл!
И потеряли голос три танкиста,
И Бухенвальд беду свою забыл.

Когда бы мы глупеть не захотели,
Те, кто поёт нам голубую муть,
Другие бы сегодня песни пели,
А то бы и молчали где-нибудь.

И не было бы ни донбасских списков
Расстрелянных бандитами детей,
Ни взорванных солдатских обелисков
За спинами фашистских упырей.

И мы бы в звоне праздников и буден
В родных пределах продолжали жить
Без беспокойства, что там завтра будет,
И без вопроса: быть или не быть...

* * *

Встретясь, первым протягивал руку
И нет-нет да заглядывал в дом,
Называл меня братом и другом,
Ночевал на диване моём.

Пусть казался блаженным слегка мне,
Но надёжным в словах и делах.
Ну, какой там за пазухой камень,
Коль рубаха — вот так! — нараспах...

Я не скоро открыл, к сожаленью,
Что неправильно думал о нём,
Что наивны мои представленья,
А рубаха его не причём.

И теперь — пусть порог переступит, —
Отогрею с мороза чайком,
Но меня он, как прежде, не купит,
Обернувшись опять простачком.

И когда, покалякав немного,
Скажет он: «Ты, я вижу, не ждал?» —
И захочет уйти — до порога
Провожу, как всегда провожал.

Не обижу ни взглядом, ни словом.
Пусть, коль может, живёт без забот.
Но идёт подобру-поздорову,
Побыстрей и подальше идёт.

КАТЬКА

Джону КУДРЯВЦЕВУ

Художник был курнос и бородат,
Талантлив и не то чтоб неизвестен,
Но не поставлен в некий важный ряд
В определённом и доходном месте.

Он рисовал и ночь, и день-деньской,
Работой неотложною завален
В прокуренной до крыши мастерской
В почти доисторическом подвале.

А между делом нарезал минтай
Приблудной белошерстой кошке Катьке
И разливал по кружкам крепкий чай
Ночным гостям, являвшимся некстати.

Один из них поспорить был горазд,
Как надо жить, что сделали с народом...
Он приходил в работный самый час,
Чай гонял и не спешил с уходом.

Весьма раскован, неизменно мил,
Завидно ясен при любой погоде,
Он о свободе говорить любил,
Особенно — о творческой свободе.

А Катька тихо муркала в усы,
К хозяину ласкалась осторожно,
Когда, украдкой глядя на часы,
Рукой её поглаживал художник.

И знала Катька — прав во многом гость.
Но про свободу думала иначе.
Хлебнуть свободы вдоволь
ей пришлось,
Пока была бездомной и бродячей...

1990

* * *

В окошко выглянуть, проснувшись,
и убедиться: даль светла.
В сторонку положить беруши,
под кофе на FM послушать
о том, как Родина жила
прошедшей ночью, как текла
жизнь в океане и на суше...
Какие там ещё дела?

Сходить на рынок, борщ к обеду
сварить из свежих овощей...
Своё спасибо в День Победы
сказать фронтовику соседу...
Прививку сделать от клещей...
На дачу пригласить друзей...
Конечно, сына попроведать,
когда вернётся из морей!

Вглядеться в небеса родные,
где солнце поднялось в зенит,
порадоваться, что живые
и старые, и молодые —
все, за кого душа болит...

Взять телефон, когда звонит...
Ну, в общем-то, дела простые.
А жизнь из них и состоит.

А вовсе не из пошлых шуток
протухших телесмехачей,
заморских дач, дешёвых шмуток,
продажных СМИ, газетных уток,
заблудших душ, пустых речей,
самовлюблённых богачей,
глупцов, мажоров, проституток
и прочих разных сволочей.

Мы с ними, кажется, ходили
и в детский сад, и в первый класс,
мы их домой к себе водили,
пока они не обнажили
себя и в профиль и анфас,
не доказав нам тыщу раз,
что мы без них бы лучше жили.
но сдохли бы они без нас.

* * *

Я эти улицы построил
В душе и памяти своей.
На них живут мои герои,
С годами делаясь родней.

На этих улицах широких
Всегда на правой стороне
Звучат набатом вечным строки,
Родившиеся на войне.

И если вдруг темно бывает,
То в сердце зажигают свет
Орлов, Твардовский и Джабаев,
Джалиль, Гамзатов и Хикмет.

Мне кажется: из звёздной пыли
Из чьей-то любящей руки
По улице Мусы Джалиля
Летят над миром светляки.

То чуть замрут, то вновь помчатся,
На миг погаснут и опять
Лучи небесные ложатся
На «Маобитскую тетрадь»...

* * *

Перо остро. А лист бумаги чист.
Возвысь живое Слово, чистый лист!

...Прозрачен день. Подвижна тень берёз.
Светла река с крутыми берегами.
Горяч песок. Остужен ветром плёс.
По берегу, с откоса на откос,
Тропа босыми выбита ногами.

Ты помнишь эту сказочную быль.
Ты знаешь, как добра земля Алтая,
Как под ногой сгибается ковыль,
И следом тихо оседает пыль,
И птица быстро из-под ног взлетает.

Родимый край! Ты здесь душой прозрел.
В твоей крови — твоей земли железо.
И вдалеке среди самых важных дел
Ты не забыл, как маленький пострел
Той самой пылью посыпал порезы.

Судьба, дорога, океанский шторм —
Всё это после. Времена, пространства
И даже Слово — это всё потом...

Поэтом быть — одна из высших форм
Высокого российского гражданства.

* * *

*Самое высокое звание в жизни —
быть воином, выше этого — только
звание русского воина.*

**Адмирал флота Советского Союза
Иван ИСАКОВ (Тер-ИСААКЯН)**

Я — воин. Даже больше — русский воин.
Хранящий русский дух и русский стиль.
Суворов, Котляревский и Истомин,
Лазо, Ковпак, Момыш-улы, Джалиль...

Ищи, стратег немецкий и французский,
Среди бурят, аварцев и армян,
Ищи меня, ищи — я воин русский:
Смушкевич, Зорге, Тер-Исаакян.

Со мной в бою, в разведке и в дозоре
Барклай-де-Толли и Багратион,
Гаджиев, Амет-Хан, Василий Порик —
В бессмертном списке тысячи имён.

Я зла не помню. Дверь моя открыта.
Но ран моей земли не береги
И никогда, вояка недобитый,
На выстрел до неё не подходи.

Сдавай боезапас, глуши моторы,
Не накликай на белый свет беду!
А посягнёшь на русские просторы,
Не суетись — я сам тебя найду.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ДАЧА

Время для посадки огурцов.
Солнце обещает день удачный.
У Володи Нарбута на даче
Инвентарь выносим на крыльцо.

Звякая железно, встали в ряд
Вёдра, лейки, заступы и грабли...
Облака, как будто дирижабли,
Потихоньку по небу летят.

А на них пилоты-молодцы,
Наблюдая сверху за порядком,
С завистью глядят, как мы на грядках
С Нарбутом сажаем огурцы.

Если честно, то сажает он,
Понапрасну время не теряя.
Шутками его приободряя,
Сам я тоже не ловлю ворон.

Вот уже замлели угольки,
И, жирком стреляя, задымились,
И зарделись жарко, и покрылись
Корочкой духмяной шашлыки...

Облака уносит на восток,
Где в окне моём Босфор Восточный
Вспоминает, как на службе срочной
Дни мои отсчитывали срок...

Где-то далеко, давным-давно
Дачные родительские грядки,
Пляжи, клубы, парки, танцплощадки,
«Шипка» и дешёвое вино.

Были мы ещё совсем юнцы,
Ждали нас великие удачи...
У Володи Нарбута на даче
Мать с отцом сажали огурцы...

ПИСЬМО

Может, я в чём виноватый,
Может, вышло так само:
Присылают мне два брата
За пять лет одно письмо.

В жизни всё не так уж плохо —
Без особенных затей
Сообщат Серёга с Лёхой
Много свежих новостей.

О поминках и о свадьбах
На родимой стороне...
Как скучают брат о брате —
Ни словечечка в письме.

Почитаю между строчек.
Поскребу в кармане медь.
Эх, слетать бы на денёчек
Брат на брата поглядеть!

Поглядеть — не наглядеться,
Посидеть ладком втроём,
Пожалеть, что было детство
Очень лёгким на подъём.

Снова, души растревожив,
Разлететься в три конца
В ожиданье невозможном
Дорогого письмеца...

* * *

Паркетины уже скрипеть устали.
Как долго ты шагаешь до стола
По комнате, по двум диагоналям,
Крест-накрест от угла и до угла.

Твой шаг тяжёл, а взгляд сосредоточен.
На чём? Вот шифоньер... диван... трюмо...
А на столе — на самой верхней строчке
На полуслове прервано письмо.

Всё громче стоны законной вьюги...
Всё горестней паркетины скрипят...
Ты движешься по замкнутому кругу,
А все пути твои ведут назад.

Туда, где спит село во тьме морозной,
Где след твоих шагов давно остыл,
Куда уже вернуться невозможно,
А не вернуться — свыше всяких сил.

Там всё, как встарь. Сугробы в палисаде,
Вода в колодце, в небе вороньё...
Там родина. Там жили дед и прадед.
Там верят в возвращение твоё...

У ВОЛОДИ БЕРЯЗЕВА

В Абрашине такая тишина,
Что слышно, как в росе траву знобит,
Как со звездой целуется волна,
И как скользит вода по дну Оби.

В Абрашине такая тишина,
Что слышно, как луна в ночи встаёт,
И льётся свет из дачного окна,
А под окном черёмуха цветёт.

И слышно, как в цветах густеет мёд,
Как пчёлы спят, а твой ночник горит,
И кажется — в Абрашине вот-вот
Стихами тишина заговорит.

Жизнь, как вода в ночной Оби, бежит,
Не ведая ни отдыха, ни сна.
Послушай, растолмачь, перескажи
Всё, что тебе нашепчет тишина.

Так быстро всё! В ведёрке окуньки.
И банька. И гроза. И тёплый дом.
И гости на веранде. И стихи.
И целый день в Абрашине твоём...

* * *

Сезон бродяжий снова завершён.
За всё, что было летом, осень взыщет.
Мне дома одному нехорошо.
Входи, сентябрь! Ты вовремя, дружище.

Немного в жизни вот таких минут.
Порадуйся со мной мгновеньям этим!
Такая редкость — нас нигде не ждут,
Мы никуда сегодня не поедем.

По Пушкинской пройдемся не спеша.
Когда ещё пройтись вот так придётся?
Гуляй, сентябрь! Погода хороша.
И время есть. Но скоро дождь начнётся.

С востока, замыкая вечный круг,
Уже скатилось солнышко на запад.
Проходят тучки с севера на юг,
О чём-нибудь готовые заплакать.

Ветрам летать в прореженной листве
Легко, как мне беседовать с тобою.
Но мыслям грустным тесно в голове,
И слишком часты в сердце перебои.

Всё сверх любви и дружбы —
прах и пух.
И издавна известно белу свету,
Что старый друг дороже новых двух —
Мы опровергнем поговорку эту.

Живи, сентябрь!
Пусть наш не долг век,
И мы согласно отойдём в сторонку,
Когда зима уже возьмёт разбег
И ринется за осенью вдогонку.

Ну, а пока по Пушкинской пройдем
И мыслью доброй успокоим сердце,
Что не однажды о тепле твоём
Зима захочет вспомнить,
чтоб согреться.

* * *

Сбежав от дел, неторопливо
У местных чаек на виду
Вдоль Уссурийского залива
По кромке берега иду.

Прибой, дробящийся о скалы,
Замшелый старый волнолом,
Бетон знакомого причала
Тревожат память о былом.

Как будто ночью спичкой чиркнул,
На миг мелькнёт невдалеке
То ль звездочка на бескозырке,
То ль огонёк на маяке.

Лебёдки, якоря и кранцы...
Струной натянутый швартов...
Ещё в матросском клубе танцы.
Ещё солёный вкус ветров...

Мелькнут события и даты.
Припомнится, как писем ждёшь.
Как пахнет ствол у автомата,
Когда со стрельбища идёшь.

Как из воды — не очень чёткий,
Но узнаваемый вполне —
В ночи всплывает корпус лодки,
Покачиваясь на волне...

Сбежав от дел, неторопливо
У местных чаек на виду
Вдоль Уссурийского залива
По кромке берега бреду.

А рядом море голубое.
Всего в каких-то двух шагах
Прибой, а брызги от прибоя —
Как будто слёзы на щеках.

* * *

Отзвучит, отсветит, отоснится,
но ничто не возбранит посметь
разглядеть, поверить, научиться,
захотеть, додуматься, успеть.

Вовремя влюбиться и признаться.
Вовремя будильник завести.
Вовремя проснуться и подняться.
Вовремя на прозу перейти.

* * *

Дитя реформ и революций —
Глупа не меньше, чем слепая —
Едва пути пересекутся,
Начнёт плевать в тебя толпа.

И ошельмует перед другом,
И слабого в дугу согнёт,
Ценя, конечно, по заслугам
Того, кто дальше всех плюёт.

Многоголоса, многорожа —
И свой, да на пути не стой! —
Заплачет, запоёт, а всё же
Не перестанет быть толпой.

Лишь в час прощальный, в миг последний,
Прижизненный оставив бой,
Она свои забудет бредни,
Склонившись смиренно над тобой.

И честно вспомнит, и восславит
Всё, что когда-то сделал ты.
И памятник тебе поставит.
И принесёт к нему цветы.

* * *

Скоро конец сентября.
Брызги летят с волнолома.
Ливень пойдёт, говорю,
Лучше останемся дома.

Свищет и падает с крыш
В лоджию ветер промозглый.
К морю пойдём, говоришь,
Скоро, наверное, замёрзнет.

Вдруг загрузу-затужу,
Ты мою грусть не заметишь.
Я ничего не спрошу,
Ты ничего не ответишь.

То ль по морям — по волнам
Полная сил, штормовая
Осень торопится к нам,
То ли мы что-то скрываем.

Поговорить хоть о чём
Мы бы, наверное, рады,
Только вот слов не найдём.
Может, искать и не надо.

Ливень пойдёт, но сперва
Каплей по лоджии стукнет...
Если обманут слова,
Правду расскажут поступки.

Тучи нависли вчера.
Дождь уже в окна стучится.
Повременим до утра.
Может быть, всё прояснится.

* * *

Судьба моя, скажи на милость,
какая выпадет цена
за правду ту, что мне открылась
и что открыться впредь должна?

Скажи, пока мой ворон кружит
и ангел к встрече не готов,
за что дарована мне дружба
и чем оплачена любовь?

И сколько стоили измены,
когда в стекле кривых зеркал
по простоте своей душевной
я облик правды той искал?

Да так ли груз прощенья тяжек,
пока ты слышишь: «Аз воздам!»?
Судьба моя, наполни чашу.
Я поднесу её к губам.

Не знаю, с мёдом или ядом, —
иная сердцу не нужна.
Лишь торопить — прошу! — не надо:
дай мне испить её до дна.

Повремени хотя бы столько,
чтоб стала истина ясна:
коль в мире много правды горькой,
то в этом не её вина.

ПРО ИЮ ПЕРМЯКОВУ

Просёлочек неприхотливый
Вдали от столбовых дорог.
Трава обочь. Родник под ивой.
На тонком стебельке цветков.

И ничего, что завтра будет
Вдали от этого цветка,
Не знают ни трава, ни люди,
Ни в знойном небе облака.

Две колеи бегут на взгорок,
И некому задать вопрос:
С чего глухой пустой просёлок
Дурной травой не зарос?

Лишь, к роднику на полминутки
Припав счастливым, жадным ртом,
Своим путём усталый путник
Пройдёт, исчезнув за холмом.

Ползёт, как тень под ивой, время
Через года, через века.
Судьбы своей не зная, семя
Живёт под сердцем у цветка.

А небо над родным просёлком —
В цвет ненаглядной синевы.
И на цветке колдует пчёлка
Трудолюбивая, как Вы...

Давно нигде не видно Ии,
Но кружится ещё Земля,
И мы пока ещё живые,
Что, в общем, временно, друзья.

И, надо думать, потому-то
Жизнь, что даётся только раз,
К чему-то каждую минуту
Всю жизнь обязывает нас.

* * *

Давно мечтаю написать эссе,
свободно перемешивая жанры,
да всё кручусь, как белка в колесе,
свой в доску среди всех
неравноправных
и даже и бесправных вообще
пред временем

в бесформенном плаще,
какие ночью надевают ниндзя,
чтоб сверху их не видели и снизу —
чтоб одеянье это не мешало
скрывать под ним мечи или кинжалы.
Давно мечтаю написать роман
иль на худой конец большую повесть,
где население одной из стран
живёт себе, ничем не беспокоясь,
и не спешит в тревоге по утрам
включить транзистор или телевизор,
чтобы узнать, кто ночью

бросил вызов
спокойствию в их маленьком доме
и обещает погрузить во тьму
полгорода и даже целый город,
и воду отключить, и взять за ворот

* * *

Слегка подтаяло, и снова,
Уже который час подряд,
Идёт по улице Портовой
Неугомонный снегопад.

Идёт безудержно, незряче,
Непредсказуемо идёт.
Чей след он под сугробом спрячет,
Кому дорогу заметёт?

Зажги свечу, моя родная!
Никто из нас узнать не прочь,
Какую сказку нагадает
К утру рождественская ночь.

Прошедших зим и вёсен прежних
Уже спасти не суждено,
А мы опять глядим с надеждой
В двойное стылое окно.

И вновь в буранном хороводе
Нам слышится волшебный сказ,
И вера в чудо Новогодья
Опять обманывает нас...

* * *

*Не надо утешать,
и без того печально.
Я слишком поздний гость
на празднике чужом.
Всё решено не мной. Судьбою.
Изначально.
На этом свете — всё.
До скорого — на том...
Алексей ТЫЦКИХ*

Хоть знаю сам,
что грусть умеет стать стихами,
Хорошие слова не мне принадлежат:
Их в дальнем далеке за синими снегами,
Куда-то торопясь,
сказал мой младший брат.

Но вечен белый свет,
и мы в нём не случайны.
Пусть небо счёт ведёт
заснеженным годам.
А что там, впереди,
для нас давно не тайна,
И стоит ли гадать,
кто первый будет там?

* * *

Всё, что поведано судьбою
Твоей душе, моей душе,
Мы так запутали с тобою,
Что не распутаем уже.

Мы оказались не похожи
Так сильно — хоть возьми и брось.
Но что-то главное, быть может,
С того как раз и началось.

В плену забот больших и малых
Среди всеобщей кутерьмы
Меня с тобой уже не стало,
На свете появились — мы.

Не лучше всех в краю родимом,
Не хуже многих, кто искал
Дорогу, по которой шли мы,
Но заблудился и пропал.

Пускай пройдем по всей планете
И проживем хоть тыщу лет,
Я у тебя один на свете,
И у тебя другого нет.

Так безнадежно не похожи,
Мы связаны узлом таким,
Что развязать его не сможем,
А разрубить не захотим.

И в стены векового храма
Добавим новые венцы,
Как наши бабушки и мамы,
Как наши деды и отцы.

НА РЕКЕ УЛАХЭ

*Большая река Нота.
Но Улахэ еще больше.*

**Разлив,
Александр ФАДЕЕВ**

Я слышу мелодию, слышу,
Хотя её, кажется, нет,
И ноты её не напишет
Никто и за тысячи лет.

А время — уснувшее вроде,
Пока ты гостишь у сестёр.
Тайгою с товарищем бродим.
В ночи распаляем костёр.

Здесь нет ни письма, ни привета,
Но мне горевать не с руки
Под песню свободного ветра,
Под музыку вольной реки.

Минует и эта разлука,
И музыка эта пройдёт;
Река повернёт за излучкой
И новый начнёт поворот.

Закончится медленный месяц,
Развеется дым от огня,
И нашу любимую песню
Ты тихо споёшь для меня.

Так тихо — дыхания тише.
Так тихо — как свет вдалеке.
Но, может быть, песню услышит
Живая душа Улахэ.

Услышит, подхватит, встревожив
Родной легендарный простор,
Где нам, словно знак придорожный,
Горит партизанский костёр.

* * *

Под взгляды ясеня и граба
я бережно домой несу
роскошный, в полведра, обабок,
в июльском срезанный лесу.

Его оранжевая шляпа
мне будет сниться по ночам,
и сыновья воскликнут: «Папа!..»,
не веря собственным очам.

И сам я буду, как в ударе,
рассказывать в двадцатый раз,
как я обабку благодарен
за то, что он себя не спас.

Что не помялся, не сломался,
красивый, крепенький такой,
что вылез, вырос и дождался.
И что пожертвовал собой.

* * *

Нахмурясь, небеса затяжелели,
Оцепенела мгла речных излук.
Ещё не смолк, но слышен еле-еле
Пернатых перещёлк и перестук.

В холодной роще дятел бьёт морзянку,
Тревожно грает ворон над жнивьём.
А где-то на безвестном полустанке
Стоит состав, которого мы ждём.

Там, в тишине почтового вагона,
На полке, может, в самом уголке
Лежит письмо от мальчика в погонах,
Написанное в дальнем далеке.

Детдомовец эпохи перестройки,
Не видевший в лицо отца и мать,
Он письма пишет нам с тобою только,
Поскольку больше некому писать.

Мы с парнем познакомились случайно —
Он сигарету попросил у нас
В последнее мгновение прощанья
С друзьями, уезжавшими в Донбасс.

Я пожалел, что не было записки,
И записал почти что на бегу
Почтовый адрес на помятой пачке,
И отдал эту пачку пареньку.

·
Неважное событие, без сомненья.
Ну, пишет мальчик, ждёт ответ от нас...
Идут бои не местного значенья,
В которых он сражается сейчас.

* * *

Город под новенькой белою шубой.
Полночь. На чистом снегу ни следа.
Ветер утих в подворотнях и трубах,
Словно бы в них не свистел никогда.

Мир тишина обнимает такая —
Кажется, спать я прилѣг и во сне
Слышу, как снег на деревьях сверкает,
Слышу, как звѣзды горят в вышине.

Но не пойму, отчего так тревожно —
Вроде бушует гроза надо мной —
Этой приморскою ночью морозной,
Этой волшебной красивой зимой.

Где-то далѣко, а рядом как будто —
Словно бы слышу и вижу во сне —
Кто-то подмогу зовѣт под Бахмутом,
Кто-то под Павловкой падает в снег.

Ветер в Донбассе свистит или плачет,
То откружит, то пойдѣт снегопад —
Кажется: землю от коптеров пряча,
Ангелы в белом по небу летят.

* * *

Вновь зацветут каштаны над Днепром,
Заколосится под Херсоном нива.
Солдат вернётся в материнский дом,
Уставший, пропылённый и счастливый.

Придёт почти такой же молодой,
Каким недавно шёл на поле брани,
Ну, разве что — как мать с отцом — седой,
Ну, разве что — один разочек — ранен.

Солдат отца и мать к груди прижмёт —
Забьётся сердце, как перед атакой.
И кулаком отец слезу смахнёт,
И слов не скажет, чтобы не заплакать.

А мать заплачет — рёвом заревёт,
То вспыхивая вдруг, то холодея,
Замрёт, и задрожит, и оживёт,
И прямо на глазах помолодеет...

И жизнь опять идёт сама собой.
И остаётся Родина свободной.
Всего и дел — солдат пришёл домой...
А речь идёт о подвиге народном.

* * *

Не вымышлены наши имена,
Не выдуманы наши письма,
А наших дел не сделали другие:
Какие ни гремели времена,
Живёт тысячелетняя страна —
Святая Русь, великая Россия.

Соседские роды и племена —
Одна дорога и судьба одна,
И в мире этом не найдётся силы,
Которая была бы так сильна,
Которая была бы так страшна,
Чтоб мы пощады у неё просили.

Мы столько раз стояли на краю,
О стену бились, шли по острию,
Но вытерпели всё и одолели,
Когда в труде вседневном и в бою
За землю и за Родину свою
Ни крови и ни жизни не жалели.

Никто нам в этой жизни не указ,
Никто нас не догонит, кроме нас,
Никто дороги нашей не осилит.
От заполярных льдов до звёздных трасс
Наш горний свет ни разу не погас —
Святая Русь, великая Россия.

А те, кто за горой и за рекой
Никак не может обрести покой,
Кресты на башнях танковых рисуя,
Пускай шесток обсиживают свой
И наш предел обходят стороной,
Остаться под крестами не рискуя.

* * *

Скажешь: «Родина» — сразу услышишь:
Грозный, Пётр. И Сталин. И Ленин.
Тише, ястребы. Голуби, тише.
Их грехи ваших подвигов выше.
Не тревожьте великие тени.

Отвести и позор и погибель,
И Державу поднять всем на зависть
Вы, конечно же, сами могли бы,
Да ещё без потерь и ошибок,
Только вы не у дел оказались.

Ни хвалы, ни хулы не творите.
Не ходите, куда вас не звали.
Ни себе и ни людям не врите.
Средь великих времён и событий
Вас Отчизна и вспомнит едва ли.

Ваши нюни, и писки, и охи,
Ваши страхи, и стоны, и крики —
Пыль на тёмных задворках эпохи,
Никчемушные мелкие крохи,
А Россия стоит на великих.

На просторах своих неоглядных,
На красотах своих бесподобных,
На мечте и любви необъятной,
На трудах и на подвигах ратных,
На которые вы не способны.

Мир болеет от фальши и злобы
Болтунов, неумех, недоучек,
Вечных пленников жадной утробы.
Уезжайте куда-нибудь, чтобы
Вас никто не пугал и не мучил.

Чтоб не мнились ни Путин, ни Сталин,
Вы туда, где уютно живётся,
Отправляйтесь по-тихому сами.
Если Родина выжила с вами,
Уж без вас как-нибудь обойдётся.

* * *

Навылет вновь судьба играет.
Я честную игру ценю.
Пусть кое-кто стоит у края,
Но я пойду по острию.

Я и во сне дурном не плакал
Над бедной картою моей.
Я всё, что мог, поставил на кон
И не жалею козырей.

А чтобы худшего исхода
Не ведать, нужен глаз да глаз:
Увы, краплёная колода
В руках судьбы не первый раз.

Осталось, может быть, движенье
Одно — и поминай, как звать.
Есть шанс уйти от поражения.
Но я не стану пасовать.

Моя рука не дрогнет даже:
Пойду ва-банк и — кончен бал.
Он проиграл, — пусть кто-то скажет, —
Но, Боже, как же он играл!...

Вдруг некто сдвинет стул со скрипом,
Собой владея не вполне,
И я возьму последний прикуп,
Судьбой положенный не мне...

* * *

На созревшем лечебном лугу
Запасём до весны зверобоя.
Постоим на морском берегу
Под бессмертную песню прибоя.

Ветер солью веков напоён.
Море брызжет на скалы слезами.
Всё безжалостней список имён
Тех, кто здесь не увидится с нами.

Кто знавал, где растёт зверобой,
Где цветут василёк и ромашка,
Как, летя над волной голубой,
Чайка белыми крыльями машет.

Как узнали свой запах цветы,
Как растут они словно случайно,
Что нам чайка кричит с высоты:
Всё на свете — великая тайна.

Кто бродил вот у этой воды,
Кто смотрел в эту даль вековую?..
На песке вещей птицы следы
Нам погоду сулят штормовую.

Сочтены на земле наши дни,
Только светлая память бескрайна.
Мы пройдем, как проходят они,
И останется тайною тайна.

Быстро волны по морю бегут.
Помолчим, поглядим друг на друга.
Постоим на родном берегу...
Погуляем по тихому лугу...

* * *

Суббота суетна и праздна,
Но мы питаем слабость к ней
За некое разнообразье
В ряду однообразных дней.

Допустим, ждёте вы кого-то,
Но, боже мой, в какую даль
Уводит лестничных пролётов
Многоэтажная спираль!

Допустим, ничего не ждёте,
Но вот уже проснулся дом
И пахнет из двери напротив
Любимым вашим пирогом.

И незадолго до обеда
Пойдёте вы за молоком
И молча на кивок соседа
Своим ответите кивком.

Прошли семь пятниц на неделе,
И наступил последний час:
Всё то, что сделать вы хотели,
В субботу поджидает вас.

И вы помиритесь с женою
Часам, быть может, к десяти,
Когда эпоха в день длиною
Уже закончится почти.

Когда прикрутите, прибьёте
Один-второй шуруп и гвоздь,
И запоёт сосед напротив,
И подпоёт соседу гость...

Уже спина, как в будни, ноет...
Уже вы в койке нагишом...
И плачет кто-то за стеною...
И пляшет выше этажом...

ЖЕНЕ ДРУГА-ПОЭТА

Вновь будет ночь. Владивосток,
Огнями поздними сияя,
Машинный сократит поток
И небо выжелтит по краю.
И станет в комнате темно,
Поскольку будет ночь безлунной
И жуткой, как морское дно;
И, как лунатик полоумный,
Я стану в комнате бродить,
Во тьме на что-то натываясь,
На ощупь наливать и пить
Валокордин. И ночь, сгущаясь,
Спохватится: гасить огни
Начнёт, нимало не смущаясь,
Что мне ещё нужны они
(Поскольку взгляд опоры просит,
Но свет нельзя зажечь в дому,
А тех огней дрожащий отсвет
Не вовсе, но смягчает тьму)...
Вновь стану думать о стихах,
Бессонницей счастливой маясь,

Искать бумагу впопыхах
И, тихо двигаться пытаюсь,
За что-то зацеплю ногой,
И от нечаянного шума
Жена проснётся: «Боже мой!
Нашёл, о чём ночами думать»...

* * *

Вид из окна — почти без изменений.
На что мы столько лет глядим с тобой?
Всё тот же столб роняет те же тени
На тот же самый тротуар рябой.

И что за дело нам до малой птички,
Присевшей отдохнуть на провода?
Так всё вокруг привычно и обычно.
Как будто всё — не раз и навсегда.

Как будто всё — до мелочи — навечно
Незыблемо, не смертно, не тепло.
И провода вот эти — бесконечны,
И время нас состарить не могло.

Как будто не могла судьба не встретить,
Не пересечь случайные пути.
И словно нет разлук на белом свете,
И птичка никуда не улетит.

Смотри: ещё одна присела сбоку.
И кажется: уже поёт она...
Дай руку мне. Необратимы сроки.
Невозвратимы наши времена.

СЛЕД

Кружил бесцельно и беспечно
Тенистой лесополосой,
Тянулся по пескам приречным,
По травам, сбрызнутым росой.

Входил в поток, не зная броду,
И возмущённая вода
Кипела — кто там мутит воду,
Бредя незнаемо куда?!

А он и сам того не ведал,
В речное упираясь дно —
Плохим или хорошим следом
Ему остаться суждено.

Какие ждут шипы и розы
В непройденном ещё пути,
Кого сквозь штили или грозы
Куда он сможет привести.

С кем, к счастью, встретиться придётся,
С кем разойтись, в конце концов,
Какая к сыновьям пройдёт
Тропа в наследство от отцов.

Он знать не знал, что днём вчерашним
В грядущем всё предрешено:
От века замыслам пустяшным
Стать высшим смыслом не дано.

И там, где полз, увы, не мчаться,
Где тихо плыл, не полететь.
С начала больше не начаться,
Где опоздал — там не успеть.

* * *

Они как будто вылезли из леса
И много лет, неся расхожий бред,
Один юлил ужом,
 другой крутился бесом,
С успехом убажывая «высший свет».

Один отбушевал и помер тихо,
В далёкие края уполз другой.
Мой друг рукой махнул:
 «Не поминай их лихом,
Мы все немножко звери, дорогой».

Пускай и нас за то никто не судит,
И мы не станем никого судить.
Увы, святых меж нами нету,
 все мы люди,
Мы все немножко люди, может быть.

Собою могут только те гордиться,
Кого среди людей людьми зовут.
Чтоб зверю зверем быть,
 достаточно родиться.
Стать человеком — долгий нужен труд.

АКТРИСА

О если б вдруг решился этот зал
Сказать ей всё, что чувствует пред нею...
Да я бы сам такое ей сказал!
Но даже слова вымолвить не смею.

Простывшая, больная... Боже мой!
В насквозь промёрзшем клубике заштатном
Она сейчас пожертвует собой,
Сгорая от любви невероятной.

А публика молчит, потрясена,
Уже готова жизнь отдать актрисе...
Но, реплику договорив, она
Уходит в тень и мёрзнет за кулисой.

Как плохо ей! Она почти в слезах.
И свет от рампы как в тумане видит.
Но зрители глядят во все глаза
И ждут, когда она на сцену выйдет.

Сейчас! Она свою забудет боль.
С каким обворожительным капризом
Играя невозможную любовь,
Она опять обманет их, актриса!

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Лететь, как бабочка, на свет
Мне предназначено природой.
С любовью мне свободы нет.
А без любви зачем свобода?

Я не хочу рабыней быть.
Но без тебя не надо воли.
Нет, ты не смей меня казнить!
Но а помиловать — тем боле.

В ТЕАТРЕ

Она умрёт, наверно, от любви.
И он живёт уже за гранью риска.
Но — полноте! Влюблённые мои
На самом деле лишь артист с артисткой.

Они по сцене ходят. Зал сидит.
Обычный, в общем, театральный вечер.
Зачем же сердце так стучит в груди,
И так болит, и рвётся им навстречу?

А пьеска называется «Мой грех».
Не близко, но актёры мне знакомы.
По крайней мере, без больших помех
Я мог бы с ними кофе выпить дома.

Театр, театр... Да это просто блажь
И детская наивность, не иначе:
Смотреть на артистический кураж
И слёзы лить, когда тебя дурачат.

Какие лицедеи! Вот напасть —
Сперва поверить этим демиургам,
Потом — внушать себе, что эта страсть
Придумана каким-то драматургом!

* * *

Всё думалось, не будет ей износа,
Гулять ей до столетних именин...
Гриф отшлифован, как дорожный посох,
Лак испещрился сеточкой морщин.

И сам чехол по швам не больно крепок,
И там и сям потёртость на боках,
И красный бант стал выглядеть нелепо,
И струны поменялись на колках.

И многое, чего она хотела,
Не вышло или кончилось давно.
Ну что скрывать, гитара постарела.
А петь не разлюбила всё равно.

Она молчит у барда за плечами,
Но знает, что придёт её пора —
И песня будет первая печальна,
Вторая и спокойна, и мудра.

А за рекою, в дальнем перелеске,
Где, кажется, никто её не ждёт,
Гитара молодая эти песни
Подхватит и с собою понесёт...

* * *

Жизнь совершается быстрее,
Чем длился бы рассказ о том,
Как мы рождаемся, взрослеем
И до последних дней живём.

Тропа, которой мы шагали,
За поворотом не видна.
Не перечислишь все детали
Простого вида из окна.

Не перескажешь зим сугробных,
Цветущих вёсен, знойных лет —
И память слишком не подробна,
И времени в достатке нет.

Несёт последний взяток мёда
Пчела с осеннего цветка.
Летят листвой опавшей годы.
Летят ветра и облака.

А мы следим за их полётом,
По-детски радуемся им,
Не видя смысла и охоты
Подумать, что и мы — летим.

Мелькают встречные пейзажи —
Душа то плачет, то поёт.
Ну, как про это всё расскажешь?
Уж больно краток наш полёт.

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ФЁДОРОВА

Так часом задурю иль занедужу,
Что ходу — ни назад и ни вперёд.
Видать, свою ответственную службу
Мой ангел безответственно несёт.
Под дых мне попадало и по рёбрам —
Он не спасал меня от тумачков.
Знать, добрый ангел мой излишне добрым
Бывал порой и для моих врагов.
Высокие отличия и ранги
Не удостоив ангельских хлопот,
Не снизошёл до щедрости мой ангел
И, судя по всему, не снизойдёт.
Но я к нему за всё, о чём жалею,
Что он в судьбе моей недоглядел,
Претензий ни малейших не имею —
И без того ему хватало дел.
И не однажды мой хранитель всё же
Являл, как должно, бдительность свою,
Когда терял я ум и осторожность,
Когда стоял у бездны на краю.
Он брёл за мной дорогами глухими —
Он их прошёл и вдоль, и поперёк
И долгими стараньями моими
В конце концов не вовсе пренебрёг.

И мне доступной сделалась работа,
Хотя б на миг позволившая мне
Изведать ощущение полёта,
Ногами твёрдо стоя на земле.

* * *

— Ты любишь? — Да!

— А очень любишь? — Очень!..

Я вижу их, и мне они близки.

...Когда бы знать: о чём июль хлопочет
в свои, уже последние, деньки...

Что ждёт их,

непростительно влюблённых,
в упор не замечающих меня
с той стороны задумчивого клёна
в слепом венце ночного фонаря?

Здесь сорок лет назад всё было то же.
Лишь от дороги не тянула гарь,
да этот клён был несколько моложе,
зато светлей, мне кажется, фонарь.

Немного реже вспыхивали фары
и медленнее таяли в ночи.

А так всё то же.

Клён. Под клёном — пара.

— Ты любишь?

— Да! А ты?... Чего молчишь?

— Я не молчу... Ты веришь мне?..

Я — тоже...

Июль, скажи, чего им стоит ждать
от августа хотя бы?

А, быть может,
им хорошо пока о том не знать...

ДЕСЯТЫЙ МЕСЯЦ

Не пыльно во дворе, поскольку осень,
И дождь вчерашний пыль прибил к земле.
От инея в пожухлых травах проседь.
Пора, пора готовиться к зиме!

Неслышно каруселит ось земная.
Стенает ветер, тучи теребя.
А ты, как молодой в начале мая,
Гуляешь на исходе октября.

Варенья бы сварил из свежих яблок,
Из нынешней муки испёк блины...
О, как земля родимая озябла,
Недолги дни и дали холодны!

Пустые ветки тополей и клёнов
Уже не вспомнят шороха листвы,
Сравнявшей буераки крутосклонов
И вдоль дорог затопленные рвы.

Вот и дождей последних песня спета,
А тёплых дней и след уже простыл.
И знал давно: готовят сани летом,
И всё же снова время упустил.

Что ж, надо жить, на сани не в обиде,
И, как всегда, опять иметь в виду,
Что в том году
 всё будет в лучшем виде —
Всё будет так, как надо, в том году...

* * *

Я всё хотел сказать, как я живу.
Должно же быть кому-то интересно,
С чего я вдруг в сердцах тельняшку рву
В условиях достатка и прогресса?

Но я не трогал многих тонких тем,
Остерегаясь — вдруг не так поймёте?
И от молчанья мучась, между тем
Хотел спросить у вас: как вы живёте?

Я долго-долго подбирал слова,
Хоть знал — для них давно уж
время вышло.

И понял вдруг ясней, чем дважды два,
Что вы со мною в сговоре давнишнем!

О, как мы научились видеть, знать
И говорить — с сольцою, с анекдотцем,
И всё-таки молчать. И — понимать,
Во что молчанье наше обойдётся.

1985

* * *

В. Т.

*Жили-были, пели и мечтали.
Родину любили и подруг.
Остаются частности, детали,
Главное — уходит из-под рук.*

*Занесёт песком,
тягучей пылью.
Мир заселят новыми людьми.
Мимоходом вспомнят:
«жили-были».*

*А ведь жили,
были, чёрт возьми!*
Вячеслав ПРОТАСОВ

Мы туда никогда не вернёмся
И уже не уйти нам оттуда...
Там бездонного неба полуда
Незакатным забрызгана солнцем.

И не важно, зима или лето —
Что-то наши сердца согревает
Там такое, чего не бывает:
Там споётся, что было не спето.

Всё, что нами уже пережито,
Оживает, и снова мы вместе.
Сразу вспомнилась старая песня,
Та, что мы посчитали забытой.

Сразу эхом откликнулись звонким
Нашей памяти светлые дали...
А какие слова там шептали
Ну совсем молодые девчонки!

Вот такие сегодня смеялись
На Светланской не нам ли вдогонку?
Мы шагали тихонько сторонкой...
Надо думать, они обознались...

Что-то вдруг небеса потемнели...
Да, конец декабря, непогода —
И опять до скончания года
Меньше, чем до скончанья недели...

**РАЗГОВОР РЕКИ,
ПРИСНИВШИЙСЯ
В ГОРОДСКОЙ КВАРТИРЕ**

Представлюсь: Большая Уссурка —
Шумлю с незапамятных пор
То глухо, то грозно и гулко
В безмолвных объятиях гор.

Прекрасна зимою и летом,
Имею я тайный расчёт,
Что лучших приморских поэтов
Моя красота привлечёт.

А лучшим не выпадет случай
Надежду уважить мою,
Я с радостью встречу нелучших
И вдоволь водой напою.

Я всех, молодых или старых,
Меж двух берегов прокачу.
Не платят давно гонораров
За песни — а я заплачу.

Хотят — тишиной и покоем,
Вот только бы ветер утих.
Хотят — вековечной тоскою,
Что, впрочем, не ново для них.

Быть может, волнуясь ответно,
Поэты признаются мне,
Как важно и нужно поэтам,
Чтоб реки текли по Земле.

Жила бы я и не напрасно
Кормила ленков и лених...
Эх, если бы Слава Протасов
Приехал с Володей Тыцких!..

* * *

Шалаш, размытый лунной тенью.
Трава. Сверчков полночный хор.
Стряхну с души оцепененье,
Подброшу веточку в костёр.

В трепещущем недолгом свете,
Как в мутном сколочке слюды,
Проступит берег, чуть приметен,
Угрюмый камень у воды.

И в миг, пока ликует пламя,
Многоголоса и нема,
За камнем, берегом, кустами
Ещё плотней сгустится тьма.

Плеснёт волной и снова канет
В ночную тишину река,
Где засыпают на кукане
Два невезучих чебака.

Штормовку запахну плотнее
И вдруг, не открывая глаз,
Пойму, что мой костёр не греет
И свет его опять погас.

Я вздрогну, явственно почуя
С теплом пожизненную связь,
И заново огонь раздую,
К нему вплотную наклонясь.

И вновь расслышу: плещут волны,
И ветер дышит в камыше,
И друг, уловом недовольный,
Ворочается в шалаше...

* * *

Всё приходит слишком поздно.

Вера ГУНДАРЕВА

А тот, кто небом был для песни создан,

Петь будет без оглядки на года.

Всё, что к нему приходит

слишком поздно,

К другому не приходит никогда.

СЕНТЯБРЬ

Прошумлю листвою желаний,
Скрипну ветками надежд.
Даль и время затуманят
Всё, о чём мечтал допреж.

Летним клятвам и обетам
Пир прощальный закачу,
Запою осиплым ветром,
Красным клёном облечу.

И вольнее, и проворней
В голых ветках ветролёт...
Тихим утром старый дворник
Лист опавший подметёт.

И гореть ему, залётке,
И дымить в углу двора.
Длинный век или короткий —
Есть всему своя пора.

Мир и свет грядущей кроне,
Не узнающей меня.
Ничего не жалко, кроме
Отгоревшего огня.

* * *

Всё у нас прекрасно, по идее.
Только вдруг — какой-нибудь пустяк...
Разве мы такие лицедеи,
Чтоб всю жизнь обманываться так?!

Разве всё, что было между нами,
Я как стих, не читаный тобой,
Выходил тяжёлыми ногами,
Выдумал усталой головой?

Разве это трепетное чувство,
Сердце разбудившее опять, —
Результат холодного искусства
Чувства настоящие скрывать?

Разве мы с тобою, в самом деле,
На случайный положились путь?
Неужели поздно? Неужели
Ничего и вправду не вернуть?

Не имеют смысла оправдания.
Всё как дважды два понятно нам...
Позови! Приду без опоздания.
Никаких вопросов не задам.

* * *

Я был один. И ты была одна.
А ночь пришла — случайна и мгновенна.
Давай нальём зелёного вина
И выпьем за большие перемены.

Не в целом мире — что ему до нас?
Не в судьбах наших —
судьбам не прикажешь.
За то, что мы с тобою здесь сейчас
Друг другу что-то светлое расскажем.

И, может быть, в межзвёздной тишине,
Простреленной навывлет лунным диском,
Далёкое и дорогое мне
Покажется тебе родным и близким.

И тайны все, и помыслы твои
Откроешь ты, не обронив ни слова,
И в жизни, сотню лет ещё живи,
Ни лучшего не будет, ни другого.

Бог мой, как много помнит тишина!
Она с годами медленней и громче.
Давай нальём зелёного вина
И, память не тревожа, выпьем молча.

За то, что этой ночью ты со мной,
За этот взгляд, за этот карий омут
С холодной отражённой луной,
Прижавшейся к ночному окоёму...

* * *

Всё то же: берег, море, ветер свежий.
И свежий хлеб. И кофе по утрам.
И мы с тобой, душа моя, всё те же.
Но в это всё труднее верить нам.

Походка стала медленней, и чаще
Мы что-то ищем в горнице своей.
Очки, ключи.. Таблетки...

День вчерашний...

И хуже спим. И дышим тяжелей.

Что ж, поживём ещё, пока живётся,
И, может быть, уже смирится с тем,
Что молодость была и остаётся
Наградой, не заслуженной ничем.

Она так быстро затерялась в прошлом,
Куда нас память трепетно зовёт,
Где мы не беспокоились о том, что
Назад награду время заберёт.

Душа моя, мы те же и не те же,
Какими были и остались там.
Но с нами неизменно:
 в сердце нежность,
Хлеб на столе, и кофе по утрам.

И солнце над родными берегами,
Встающее навстречу новым дням,
И молодость, которую мы сами
Передарили нашим сыновьям.

Когда бы мы не поделились с ними,
Могли бы жить себе и не стареть,
И оставаться вечно молодыми...
Но хочется на внуков посмотреть.

МЕЧТА РЫБАКА

Пожары, катастрофы, войны...
Опять поток вестей дурных!
Куда бы смыться, чтоб не помнить
О катаклизмах мировых...

Мы снова встали рано-рано,
Харчей набрали на три дня,
Три Вовки — Шепелев, Гаманов
И к ним примазавшийся я.

Полны надежд нетерпеливых,
Примчав к заветным берегам,
Во льду Посьетского залива
Мы сверлим лунки здесь и там.

Походная пустеет фляга.
Позёмка вредная метёт.
А наша корюшка с навагой
На самодуры не идёт.

Махалки явно презирает,
На блёсна даже не глядит.
Мы ждём напрасно, что взиграет
У рыбы зверский аппетит.

А мы жалеем не об этом
И не желаем говорить,
Как мы мечтали прошлым летом
Зимою рыбки наловить.

Мы и без слов друг друга слышим,
А вот о чём душа болит,
Никто романа не напишет,
Никто стихов не сочинит.

Взирая долгими часами,
Как в лёд вмерзают поплавки,
Мы сотворить могли бы сами
Романы эти и стихи.

Да есть сюжет важней рыбацких.
Мы, бросив корюшку ловить,
Мечтаем вновь сюда добраться
Мечту свою осуществить.

Пробив засады снеговые,
Победно выйдя на Посьет,
Все катаклизмы мировые
Отправить рыбам на обед.

* * *

Где-то, может быть, над облаками
Или даже выше облаков
Кто-то не смыкает глаз веками,
Любит нас и всё, что было с нами,
Знает и жалеет дураков.

Ну, а мы скулим: судьба такая,
Укоряя небо и моля.
Эх, погода выдалась плохая,
Ох, опять достойным урожаем
Нас не хочет радовать земля!..

А спросить себя: какого беса
К сроку не посеяли ячмень,
Не смогли добиться техпрогресса:
Дров к зиме не привезли из леса,
Не стопили баньку в банный день?

То уснём, то побежим куда-то,
Так, порою, на подъём легки,
Так, бывает, думками богаты...
Может, правда — небо виновато
В том, что мы такие дураки?

ПОЛУОСТРОВ СЫРВЕ

*22 сентября... части береговой
обороны отошли на последний
рубеж Сырве.*

**Балтийцы вступают в бой,
В.Ф. ТРИБУЦ**

Выспел хлеб. Снега упали.
Лист прозрел. Взошла трава...
Вновь причаливает память
К Моонзундским островам.

Там, внимая беспечально
Песне медленных дождей,
Видал я, как шла на Таллин
Стая белых лебедей.

Там тропа вела с причала
В безымянные сады,
Где на ветках одичалых
Гнили горькие плоды.

Там в лесу грибная сказка,
А в траве обочь дорог —
То простреленная каска,
То дырявый котелок.

Там взорвётся небо громом
В потемневшей вышине,
И подкатит к горлу комом
Наша память о войне.

До зимы без перерыва
Дождь проплачет проливной
У Ирбенского пролива,
На краю земли родной.

Той земли, где ветер воеет
На безлюдном берегу,
Что потом сдадим без боя
Непутёвому врагу.

ОЖИДАНИЕ

Душная полночь июля,
Морок неясной луны,
Сонные блики на стуле,
Грустная тень вдоль стены.

Вроде бы вольному воля
Там, за решёткой окна...
Долгая тьма безглаголья.
Смута. Тоска. Тишина.

Мистика, воображенье —
Это лицо на стекле?
Зыбкое в небе движенье —
От океана к земле.

Туча. В прогалинах рваных
Звёзд одинокая дрожь.
Только к утру — долгожданный,
Но кратковременный дождь.

Серый рассвет. Многоточья
Зябких поблёкших огней.
День — на минутку короче.
Ночь — на минуту длинней!..

* * *

Экспресс «Владивосток-Хабаровск»,
сказать по правде, не экспресс,
а скорый поезд (я врубаюсь
уже в технический прогресс!).

Но скорый тоже не телега —
в ночь до Хабаровска домчит...
Я снова от тебя уехал,
тоска такая, хоть кричи!

Признаться будет мне неловко
среди хабаровских друзей,
как жду конца командировки,
как мучит бесконечность дней.

Пускай Амур поближе Волги —
вон за окном его вода.
Но как же медленно и долго
в Хабаровск ходят поезда!

* * *

Я вот он весь,
я здесь такой, как есть,
и не бросаю сам себе лещей,
но что-нибудь всё время происходит
во внешней и во внутренней природе
моей и окружающих вещей.

И, может быть,
ещё лететь и плыть
придётся, неизвестно, где и с кем,
в конце концов, случайно, как на сдачу,
отведав фантастической удачи,
конечно, не заслуженной ничем.

Легко хотеть
ну, если не лететь, —
хотя б идти, куда глаза глядят
и по пути подробно замечают,
как ветер спит, как снег спокойно тает,
как медленно роняет листья сад.

Издалека
уже видна река,
которую ещё придётся плыть, —
она смолкает, одолев пороги,
и тихо вянут травы вдоль дороги,
о многом не успев договорить.

* * *

Забуду про врагов
и славно заживу.
Прилягу на кровать
и высплюсь для начала.
Пойду доить коров.
Пойду косить траву
и сено запасать,
чтоб до весны хватало.
Пойду будить друзей
и наводить мосты.
Пойду в пыли дорог
искать свою удачу.
Пойду дразнить гусей.
Пойду сажать цветы.
Редиску и чеснок
Выращивать на даче.
Пойду и покажу
всем, с кем давно знаком,
как, весел и здоров,
я дурака валяю
и смело вдаль гляжу,
да только дело в том,
что позабыть врагов
враги не позволяют.

ВИТАЛИЮ ХРИПЧЕНКО

Аз грешен. Со мной суета и морока.
Когда бы мои поумнели мозги!..
Я Книгу открыл. Я прошёлся по строкам.
И было начертано: око за око.
Но я прочитал лишь одно — возлюби!

Любовь — за измену?

И к недругу — с дружбой?

Архангел и архистратиг Михаил
Легко обнаружит мой грех простодушья.
Я так дорожил этой вещью ненужной,
Так долго, не знаю зачем, дорожил.

Но — всё! Я Закона теперь не нарушу.
И — руку за руку, ушиб за ушиб!
Отныне я буду Завету послушен.
Всё! Рану за рану и душу за душу!
Но... гений мой злой — не имеет души.

Я это открытие сделал не сразу:
Не очень-то жизнь у него хороша,
И сам он давно и жестоко наказан —
Он чует, он видит завистливым глазом,
Что в ком-то осталась живая душа.

ЧИТАЯ АНУАРА АЛИМЖАНОВА

Соседи, земляки, степные братья,
Ударит джут иль зашумит байга,
Меня примите в жаркие объятия,
В кипенье трав, в уснувшие снега!

Потешьте соколиною охотой,
Пасти доверьте дерзких кобылиц,
Чтоб я учился песне и полёту
Степных свободных и высоких птиц.

Возьмите равным в пыль своих кочевий,
В забытое скитание своё,
Чтоб с вами я, топча сухую землю,
Терпенью поучился у неё.

Я здесь служу, на берегу балтийском,
Но думаю, читая по ночам,
О том, как на просторах евразийских
Не заблудиться и не сгинуть нам.

1976, Таллин.

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Свободное дыхание стиха.
Спокойное движение глагола.
Душа крылата и строка легка,
Как плеск волны у каменного мола.

Уже в одном ритмическом ладу
И хруст песка береговой излуки,
И лёгкий шорох яхты на ходу,
И всех ветров арфические звуки.

И пляж, цветной от сброшенных одежд,
И бронзовых купальщиков брожение,
И всех моих несбывшихся надежд
Пока ещё живое притяженье.

И даль, что остаётся далека
И зря зовёт, и зря грустит о ком-то,
Покуда свет крылатого стиха
Не озарит её за горизонтом.

И вечные над морем виражи —
До той поры, пока над дальним молотом
Наивные фантазии души
Последним подытожатся глаголом.

* * *

Всё повторяется в природе
И возвращается туда,
Где мы с тобой сейчас проходим
И пропадаем навсегда.

Всё начинается сначала:
Восход, закат и звёздный свет,
Огонь в печи, травинка в скалах...
Лишь нам с тобой возврата нет.

Однажды по родному взгорью,
Где наш костёр давно погас,
Усталый путник выйдет к морю
Тропой, не позабывшей нас.

Как мы, недолог и нечаян,
Не знающий пути назад,
Счастливец, он увидит чаек,
Которые от нас летят.

Услышит, как под ветром свежим
Шумели вешние леса,
Когда над вечным побережьем
Звучали наши голоса.

* * *

Звезда твоя горит пока,
В глазах не гаснет свет —
Ни края нет, ни далека,
Ни тьмы, ни смерти нет.

Но хоть спеши, хоть не спеши:
Шагай, беги, лети,
Стой или падай и лежи —
А нет назад пути.

И жизнь ясна, как дважды два —
Судьба твоя хранит
Твои поступки и слова,
Пока звезда горит.

В каких бы ни был ты краях,
Тревожа и маня,
Пока жива душа твоя,
Горит звезда твоя.

От первых до последних лет
Дела её просты:
Она не выключает свет,
Пока не гаснешь ты.

* * *

Не из последних, наверное, жил
Духом и телом трудясь не смертельно,
Малую малость всего и пожил
От материнской земли не отдельно.

К росстани в свете неясной звезды
Выбрался, зову случайному внемля,
Недалеко от горючей беды,
Вновь посетившей родимую землю.

Недалеко от победного дня,
Недалеко от целительной ночи,
Где возрожденье былого огня
Глас сладкозвучный кому-то пророчит.

Только дымит головёшка в золе,
Бывшая веткою плодоносящей.
Только ковыль и полынь на земле —
Всё, что осталось ещё настоящим.

Не размыкается тягостный круг,
И за чертою глухого мгновенья
Недалеко от протянутых рук
Крик пропадает, моля о прощенье.

Недалеко... Но незримый кордон
Сделать мешает каких-то полшага,
И, возникая, малиновый звон
Гинет бессильно по тёмным оврагам.

Где-то хранятся привет и приют,
Но безответны забытые дали.
Вот и спешишь, как шутя позовут.
Вот и приходишь туда, где не ждали.

В памяти словно осиновый кол.
Бог не услышал, и время не лечит.
До предпоследней чуть-чуть не дошёл
И — опоздал на последнюю встречу...

* * *

Снова встретились в старом трамвае —
Не про наши дела лимузин!
Времена и похуже бывали,
Но пока мы других целовали,
Столько лет пролетело и зим!

Только лёгкое прикосновенье
На скрещенье безумных эпох,
И ни слова в ответ — лишь смущенье
И, неслышный в железном движенье,
Запоздалый беспомощный вздох...

Боже мой, как обманчиво время,
Как заиграны роли надежд!
Мы сегодня не те и не с теми,
А на площади каменный Ленин —
Как тот самый король без одежд.

За углом, за любым поворотом
Нет для нас никаких перемен.
Что ты плачешь, ну, право же, что ты?
Разве мы предавали кого-то
В этом мире, где столько измен?

Ты не плачь. Ведь не мы виноваты,
Что в любимой стране рождены,
Что ушёл я когда-то в солдаты,
Что уехать не можем куда-то,
Да и здесь никому не нужны...

Бесполезно, с того и неловко
Ворох прошлых обид бередить.
И дремучий трамвай с пробуксовкой
Тормозит перед той остановкой,
Где давно нам пора выходить...

* * *

Дыханьем поэтическим полна,
твоя строка не лишена подвоха:
когда-нибудь прервётся и она
на высоте лирического вздоха.
А книга? Устаревший матерьял —
бумага и нечаянные мысли.
Из новых лет компьютер их изъял
и к пережиткам прошлого причислил.
С приходом дней, недалгих, но иных,
слой пыли на обложках будет толще.
Что нового в сюжетах прописных?
А старого становится всё больше.
Кому нужна бессонница твоя?
Зачем опять напрасные старанья?
Не знаю... Но пока влюбляюсь, я
ходить не перестану на свиданья.
Когда ещё возник водопровод,
но кое-где — смотри! — стоят колодцы.
В конце концов, пока Земля живёт,
без родников она не обойдётся.
Пусть за стихи не платят ни гроша:
Грош — грош и есть. Потеря не большая.
Пишу себе. Ну — требует душа.
И никому как будто не мешает...

ШУТЛИВОЕ СОЧИНЕНИЕ НА МЫСЕ ПЕСЧАНОМ В ДЕНЬ МОРСКОГО ФЛОТА

Весьма с завидным аппетитом вы
С утра к столу причалить захотели,
Но кончился шашлык, и нет халвы,
И закусить вы не успели.

Вы в грустном настроенье у окна
В вечерний час с гитарою присели.
Вдруг у гитары лопнула струна.
Так жаль, что вы ещё не пели!

Домой вас поздно ночью принесло:
Вам свет не мил, вы дьявольски устали.
Глядь, в комнате уже совсем светло.
А вы, увы, ещё не спали.

Вы день за днём трудились, как могли,
Не пощадив хребта и сухожилий...
Вас помянуть сограждане пришли.
А вы... а вы ещё не жили.

Средь облаков в кругу своих предтеч
Вы с любопытством
вечной встречи ждали
И праздничную выучили речь...
Но в небесах вас не узнали.

В итоге завершилось всё ладом:
Вас ангелы удачно поселили,
И вы на Землю пишете о том...
Но там про вас уже забыли.

* * *

Ничего не попишешь:
 летят без оглядки денёчки.
Кто быстрее, кто тише,
 мы все довоюем до точки.

До своей, персональной,
 которой отдельные лица,
Говоря фигурально,
 готовы хоть с кем поделиться.

Но, в пятнашки играя,
 денёк пробегает за ночью.
Видно, нам, дорогая,
 ещё по плечу многоточья.

По судьбе и по вкусу
 мелодия песни печальной,
И пельмени по-русски,
 и чашка калмыцкого чая.

И цветущая груша,
 и мёда осеннего взяток,
И горячего душа зимой —
 ручeyк меж лопаток.

И холодное диво —
 вон кружечка как запотела! —
Это светлое пиво —
 для лета великое дело...

И по сердцу как раз,
 что, пока не считая денёчки,
Так похожи на нас,
 выше нас подрастают сыночки!

* * *

Бывает: быстро и легко
придут и друг, и строчка,
сплывёт на кухне молоко,
минуют день и ночка.

Мгновенно скажутся слова,
искавшиися трудно;
дотла в печи сгорят дрова —
сквозняк завоет трубно.

За дверью голос прокричит:
«Откройте! Телеграмма!..»
И вы без видимых причин
вдруг выдохнете: «Мама...»

В тревожный за полночный час
сосед, что жил напротив,
приснится вдруг и спросит вас:
«Ну, как вы там живётё?»

И безнадёжно заболит
душа в уставшем теле,
и жизнь, как пуля, просвистит,
не долетев до цели.

* * *

Неудачные начала.
Несуразные концы.
Дни несутся, как попало,
И звенят, как бубенцы.

На дуге храпящей тройки,
На дурацком колпаке,
После драки и попойки
В ухайдаканной башке.

Мчат бубенчики по кругу:
Нет начала, нет конца.
Жмёт колпак. Скрипит подпруга.
Пена с морды. Пот с лица.

Звон дневной и звон вечерний.
Нет ни в чём ничьей вины.
Ржёт в оглоблях сивый мерин
На четыре стороны.

Ржёт пристяжка, шеи выгнув.
Эхо в хвост и гриву ржёт!
Если чёрт в дорогу выгнал,
Бог назад не позовёт.

И последний шанс, быть может, –
На свороте на крутом
Сигануть с летящих дрожек,
Осенив кювет крестом.

А. У.

*У поэтов есть такой обычай –
В круг сойдясь,
оплевывать друг друга.*
Дмитрий КЕДРИН

Как мыслим, так, родимые, живём.
Неумно. На параде самолюбий
В большой толпе так одиноки люди!
И — спорят все, едва сойдясь вдвоём.
Да хоть заспорься, но от зрящих глаз
Лица не скроешь и не спрячешь рыла.
А правды горькой, что душе открылась,
Увы, я не умею скрыть от вас.
Беда — привык от века править бал
Не тот, кто прав, а тот, чья шкура толще,
И дураком бывает лучший спорщик...
Я спорить не хочу. Я всё сказал.
Я всё сказал, хорошие мои.
Вы были в это время где-то рядом:
За шторкой, за стеною, за оградой —
Вот здесь, на этой стороне Земли.
И, может быть, вы слышали меня.
А поняли, не поняли — не знаю.

Я вас люблю. Я вам добра желаю —
Всё безнадежнее день ото дня.
Я всё сказал. Ответил — не на всё.
Похнычьте, как обиженные дети.
Моей любви вам проще не заметить.
Вам было б трудно выдержать её.

Б. У.

I

Они бессмертны, праведники наши —
Во всём живой пример и образец:
И ткнут перстом, и ручками помашут,
Подскажут и покажут, наконец.

Гербы менялись, гимны и знамёна —
Не изменяя званью своему,
Они всегда служили исступлённо
За что-нибудь ни попадя кому.

Грядущее умело проницали
И в настоящем жили ничего:
Умеренно, но вовремя страдали,
Ударно постигая божество.

Теперь они, известные страдальцы,
В счастливую вползают полосу:
Почётных граждан развелось, как зайцев
В непуганом дворняжками лесу...

II

Мой старший брат и друг, как мне казалось
(А кем ты был — теперь уж всё равно),
Прошу тебя, — стерпи хоть эту малость,
Прочти моё последнее письмо.

Согласен я: ты не поэт, ты гений.
Себе подобных вряд ли ты найдёшь,
И в памяти грядущих поколений
Ты вовсе не от скромности умрёшь.

В глазах твоих я стал большеющим дурнем —
В сравнении с тобой ужасно мал.
Ты был моим отцом литературным,
Пока бездетным отчимом не стал.

Твой принципиализм давно известен —
Он без остатка выразился в том,
Что запросто, коль будешь в интересе,
Ты и Пегаса назовёшь ослом.

Да Господи, без всякой даже пользы,
Ты лгал, как только избранные лгут,
И, смертным вдохновенно строя козни,
Понаследил изрядно там и тут.

Прощай, мой бывший.

Ты взлетел высоко —

И мыслью не подняться за тобой.

Как на твоём Олимпе одиноко

И гениально скучно, боже мой!

ПО СТРАНИЦАМ НОВОГО ЖУРНАЛА

Русь говорила разговоры,
Могла и плакать, и плясать.
И в незапамятные поры
Пошла губерния писать.

Провинциальные поэты!
Ваш божий дар неоспорим.
Вы оживите то и это
Бессмертным почерком своим.

Само собою, каждый — гений,
Каких в помине больше нет.
Горит высоких вдохновений
В душе незагасимый свет.

Лежит на ваших нервных лицах
Печать великого труда.
Но у поэзии провинций
Нет и не будет никогда!

О, эта жертвенность призванья!
Могучих дум чернильный след...
Жаль, нет всемирного признанья
И денег, хоть убейся, нет.

Нет грамоты. Зато отвагу
Пиитам некуда девать.
И завтра, постелив бумагу,
Почнёт губерния — писать...

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НАЧИНАЮЩИМ КЛАССИКАМ

*А гений и злодейство —
две вещи несовместные.*

Александр ПУШКИН

Один двуногий скарабей, —
Хоть жил как людь среди людей,
А скользким был под стать миноге, —
Считал себя в сто крат умней
И лучше всех других двуногих.
Завистник мелкий, плут большой,
Сексот с трусливою душой
И самозванный классик местный,
Он был писака заказной
И главный враль «свободной» прессы.
И вот итог — почти к нулю
Он свёл поэзию свою.

* * *

*... Там жили поэты, —
и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.*

Александр БЛОК

Россия впрямь талантами богата.
Но бездарей и в ней хоть пруд пруди.
И делается даже страшновато,
Что в зависти, бывает, брат на брата
Как на врага заклятого глядит.

У каждого в ходу свои резоны.
Таланты тоже разные у нас.
Завистливым глупцам и пустозвонам
Они, видать, ещё во время оно
Докуку учиняли много раз.

И признанные гении, бывало,
Жизнь отдавая музам дорогим,
Кому-то были словно в сердце жало
И кровушки попортили немало
Самим существованием своим.

Сюжет до боли в сердце тривиальный...
Друзья мои, спешите, — жизнь идёт!
Играйте же, рисуйте шедеврально,
Да Господи, пишите гениально!
Ну кто же вам, ребята, не даёт?

МАНИФЕСТ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Надо только писать правду.

Валентин ПИКУЛЬ

Меча сильнее — праведное слово.
Опасней лжи — трусливое молчанье.
Мир платит за него ценой суровой —
Разором, и позором, и страданьем.

Об этом помнят русские могилы,
Об этом наши летописи пишут.
Имеющие уши да услышат:
Мы — сильные, и в правде наша сила.

Вот потому враги её боятся,
Вот потому они на всё готовы,
Чтоб только не звучало наше слово,
Чтоб нам упасть и больше не подняться.

Он это знал, когда сражался с фрицем
Там, где конвой смертные ходили,
Где юнги гордо бантики носили,
Где бой вели прекрасные эсминцы,

Он знал о том, что дело наше свято.
Он точно знал, что в нашей правде сила,
И что судьба писателя в России
Сродни судьбе и подвигу солдата.

Презрев глупцов, завистников не видя,
Живя с родной страной одной судьбою,
Он ни на миг не выходил из боя
И ни за что и никогда не выйдет.

Пока, страницы прошлого листая,
О русском мире, выстраданном в войнах,
Мы правду в книгах Пикуля читаем,
Россия может вдаль глядеть спокойно.

* * *

Любовь была такой, какой вовек
Придумать и представить невозможно.
В горах высоких таял чистый снег,
И с кручи мчал ручей неосторожный,
И разбивался в брызги среди скал,
А дальше шла история иная:
Далёко-далеко текла река,
Названия тому ручью не зная...

* * *

Осенняя листва.
Один назовёт её ржавой.
Другой скажет: «Золотая».

Кому из них я поверю на этот раз?

Не знаю, увижу ли я улыбку
на твоём лице,
встретив тебя сегодня...

* * *

Казалось бы, дело простое...
Поди же, узнай наперёд,
И кто эти книжки откроет,
И кто эти рифмы прочтёт.

Да стоят ли малые строчки
И даже большие тома,
Что б с ними не спать еженощно,
Сходить ежедневно с ума?

Не знаю, зачем я когда-то
За бедным каким-то столом
Подобно Кощею над золотом
Склонился над чистым листом.

Кого они за душу водят
Меж тёмных житейских стихий,
Да что они значат сегодня,
Какие-такие стихи?!

Их можно запрятать подале
И выбросить просто в окно...
Но песнями русской печали,
Быть может, им стать суждено.

ОДА ПРЯМОЙ РЕЧИ

*О Гесиод, Олимп и Оссиан,
Струна руин на ниве асфodelей,
Где каждый час медлительной неделей*

*В мой силоам сникает, осиянн, —
Тебе, о тишь, последний мой пэан —
Слеза Диан над сединой купели.*

Владимир МАККАВЕЙСКИЙ,

1916 г.

*Если я говорю языками человеческими
и ангельскими, а любви не имею, то я —
медь звенящая или кимвал бряцающий.
...А теперь пребывают сии три:
вера, надежда, любовь;
но любовь из них больше.*

Первое послание к коринфянам,

апостол ПАВЕЛ,

13. 1,13

И всё-таки квадрату быть квадратом,
Раскрась его в какой угодно цвет.
Вот — человек. Он другу ближе брата.
А у иного брата — друга нет.

ЧУЖОЙ КОТЁНОК

Вдруг испугавшийся спросонок
Тяжёлой тени на полу,
Блестит глазищами котёнок,
Пытаясь спрятаться в углу.

Растаяла в фужере льдинка.
Досадно сердцу — пей не пей.
И я торчу, как гвоздь в ботинке,
В компании чужих друзей.

Попав сюда почти случайно,
Я вовремя уйти не смог,
Здесь неуместен чрезвычайно
И чрезвычайно одинок.

Что эти споры, эти песни
И эти клятвы во хмелю!
Мне слишком шумно здесь и тесно.
Я никого здесь не люблю.

А впрочем, всё не так уж плохо:
Не замечая ног других,
К моим ногам котёнок-кроха
Прижался нежно и затих.

* * *

Я, бывший член советского Литфонда
(быть может потому, что неумел,
в малеевках не живший с литбомондом),
от фонда ни гроша не поимел.

С подруг матросских и самих матросов
взимая дань читательских сердец,
был без вопросов я и перекосов —
в уплате членских взносов образец.

И, недоимкой фонда не обидя,
жил, не перечая людям и судьбе.
За что же так меня возненавидел
писатель А, а может быть, и Б?

У них консенсус с временем жестоким,
и пан вчерашний ныне снова пан:
Малеевка, она сейчас далёко,
но А и Б пьют в Шмаковке нарзан.

Тут чести и следа не сыщет даже
в тайге тропивший тигра удэге.
Но нам опять про честь и долг расскажет
писатель Б. А, может быть, и Г...

БАЛЛАДА О МАСТЕРЕ

*Дай мне больше
недуга этого, жизнь, —
я не хочу утоленья,
Жажды мне дай и уменья
в искусной этой работе.*

**Мню я быть мастером,
Павел ВАСИЛЬЕВ**

Не утолю безумной жажды, —
Готовый биться об заклад,
Что я обманываюсь так же,
Как тыщу лет тому назад.

Дай Боже — пригубить хотя бы...
Звончее Павла не споёшь
Про эти каменные бабы
И не про каменные — тож...

Нет, ни о чём не сожалею,
Не упрекаю никого
За то, что слово тяжелее
И крепче камня самого.

Останься, песня, недопетой,
Умри на кончике пера.
Ведь были на Руси поэты —
Бог мой, какие мастера!

Умели, в пику перьям борзым,
Переступив соплеж и нить, —
Чтоб вылить жеребцов из бронзы —
До бронзы камень растопить!

Великие! Не люди — звери,
Поднявшиеся до богов!...
Побывать хотя бы подмастерьем
У страшных этих мастеров...

* * *

О чём вздыхает горький дым костра,
Шумит река, и ручеёк бормочет?
О чём поют полдневные ветра,
Какие сказки сочиняют ночи?

Какие майским птицам снятся сны,
О чём грустят январские деревья,
Какие дали облакам видны,
Чьим предсказаньям наши звёзды верят?

Ты ни о чём не спрашивай меня.
Я знаю только то, что с нами было.
Вон та звезда твоя, а та — моя.
А нам с тобой одной звезды хватило.

Она во тьме светила ярче всех,
Сильней звала, теплее согревала,
И обольщала, и вводила в грех,
Казнила, воскрешала и прощала.

Укладывала спать по вечерам,
Тревожила бессонными ночами,
Безжалостно будила по утрам.
Всё остальное сделали мы сами.

Мы думали, что движемся вперёд,
Когда на месте, как слепцы, кружили.
В разрывах туч далёкий свет её
Не мы зажгли, но мы не погасили.

О, как светла земля, где мы живём!
Кого благодарить за эту милость?
Горит звезда. И мы с тобой вдвоём
Бредём, пока она не закатилась.

Болит душа. Душа о том болит,
Что ничего не выразишь словами.
Смотри: горит звезда! Звезда горит,
Пока мы видим свет её над нами.

* * *

Кончилось ещё одно кочевье,
Пролетел стрелой звенящей год.
Вот опять убитые деревья
Наряжает весело народ.

Где-то ставит ёлки деревенька,
Дорогая сердцу твоему.
Было там хорошего маленько,
А грустить о прочем ни к чему.

Старые печали с Новым годом,
Далёко ль, родимая, ушли?
Каково усталым пешеходам
От тепла домашнего вдали...

Не с того ль грустна ты, не с того ли
Смолкой плачет срубленная ель...
Может быть, сейчас в пустынном поле
Лучший друг бредёт через метель.

Может быть... Но мы о том не знаем.
Может, в поле тишь да гладь сейчас...
Не печалься, погляди, родная:
Вон, какая ёлочка у нас!

* * *

Я жизнь свою запоминал стихами.
В них птицы собираются в полёт,
И мама раньше всех встаёт утрами,
И солнце вслед за мамою встаёт.

В них за околицей простор былинный,
А за спиною взмах прощальных рук
Под краткий переклик перепелиный
И долгий пересвист сибирских выюг.

В них, как в судьбе, то ясно, то ненастно,
И я один читаю между строк,
О чём мечтал, куда спешил напрасно,
Что начинал, но довершить не смог.

Не чая ничего переиначить,
Я сам не знаю, рад или не рад,
Что, не торгуясь, заплатил без сдачи
За всё, чего не возвратить назад.

Стремительней к закату от восхода
Весёлый бег неумолимых дней.
Смешная штука жизнь, а жить охота
Чем дальше от восхода, тем сильней.

* * *

Работаем, друзья. Нас, кроме нас,
Никто от лихолетья не избавит,
Никто воды и хлеба не подаст,
Никто ошибок наших не исправит.

Работаем. Настал и наш черёд.
Всё снова будет, как доньше было:
Никто за нас в атаку не пойдёт,
Не встанет с флангов, не прикроет с тыла.

В штыки, на амбразуру, на таран
За нас никто вовек не устремится,
Не вытрет слёз, не перевяжет ран,
Не станет кровью с раненым делиться.

Работаем, друзья. И он придёт,
Великий час победы и расплаты
За нашу боль, за наш святой народ,
За все его мученья и утраты.

* * *

Набрякли, загустели небеса.
Горячим ртом хватается воздух город.
Похоже, приближается гроза.
Гадать не будем. Всё случится скоро.

Всеправый Зевс не забывает нас.
И если у матросов нет вопросов,
То есть — всегда как будто в первый раз! —
Разливы рек, шторма, пожары, грозы.

Набрякла, загустела тишина.
Нас обнимает душная истома
В квартирке тесной с видом из окна
На дерево, растущее у дома.

Когда над домом молния сверкнёт,
И мы услышим гром как первый выстрел,
И дерево под ветром упадёт,
Ты не пугайся. Всё случится быстро.

Устанут волны, и ветра уснут.
Рассвет родится — зелен и прохладен.
И реки в берега свои войдут.
И мы у дома дерево посадим.

СОДЕРЖАНИЕ

РАСТВОРИМСЯ В ВЕЛИКОМ НАРОДЕ	5
А к слову слово — будет строчка	56
АКТРИСА	121
А парус снова в море устремляется	41
А тот, кто небом был для песни создан	140
А. У	174
БАЛЛАДА О МАСТЕРЕ	193
БЕЗ НАЗВАНИЯ	122
Б. У	176
Бывает: быстро и легко	171
Был понедельник или воскресенье	35
Вид из окна — почти без изменений	117
ВИТАЛИЮ ХРИПЧЕНКО	157
Вновь зацветут каштаны над Днепром	104
В окошко выглянуть, проснувшись	66
Волнуем воздух умными словами	47
Всё думалось, не будет ей износа	124
Всё повторяется в природе	160

Всё то же: берег, море, ветер свежий	145
Всё у нас прекрасно, по идее	142
Всё, что начнётся, совершится быстро	28
Всё, что поведано судьбою	96
Встретясь, первым протягивал руку	62
В ТЕАТРЕ	123
ВЫБОР	21
Где-то, может быть, над облаками	149
Город под новенькой белою шубой	103
Давно мечтаю написать эссе	91
Далеко-далеко! Как уйдёшь, то уже не вернёшься ..	29
ДВА ДУРАКА	50
Дела, увы, не без изъяна	26
ДЕСЯТЫЙ МЕСЯЦ	131
Дитя реформ и революций	84
Дыханьем поэтическим полна	166
Ещё звезда ночная упадёт	48
ЖЕНЕ ДРУГА-ПОЭТА	115
Жизнь совершается быстрее	125
Забуду про врагов	156
ЗАДАЧА	20

Звезда твоя горит пока	161
ЗИМА 1990 ГОДА	58
Казалось бы, дело простое... ..	188
КАТЬКА	64
Кончилось ещё одно кочевье	197
КОПЕЙКА	52
ЛЕВЫМ-ПРАВЫМ	24
Любовь была такой, какой вовек	186
МАНИФЕСТ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ	184
МЕЧТА РЫБАКА	147
Мы туда никогда не вернёмся	134
Набрякли, загустели небеса	201
Навылет вновь судьба играет	109
НА МОРСКОМ БЕРЕГУ	159
НА РЕКЕ УЛАХЭ	98
На созревшем лечебном лугу	111
Нахмурясь, небеса затяжелели	101
Не вымышлены наши имена	105
Не из последних, наверное, жил	162
Нет, я не знал, хоть говорил, что знаю	60
Неудачные начала	172

Ничего не попишешь: летят без оглядки денёчки .	169
ОДА ПРЯМОЙ РЕЧИ	189
ОЖИДАНИЕ	152
Они как будто вылезли из леса	120
Осенняя листва	187
Отзвучит, отцветит, отоснится	83
О чём вздыхает горький дым костра	195
ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ФЁДОРОВА	127
Паркетины уже скрипеть устали	77
Перепишу свою жизнь, исправляя ошибки	44
Перо остро. А лист бумаги чист	69
ПИСЬМО	75
Под взгляды ясеня и граба	100
Полуночный пейзаж в оконной раме	43
ПОЛУОСТРОВ СЫРВЕ	150
Пора золотая... Но этой листве обречённой	54
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС	37
ПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА	46
ПО СТРАНИЦАМ НОВОГО ЖУРНАЛА	179
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НАЧИНАЮЩИМ КЛАССИКАМ	181
ПРОГРАММА НОВОСТЕЙ	45

ПРО ИЮ ПЕРМЯКОВУ	89
ПРО СКАЗКУ	53
Работаем, друзья. Нас кроме нас	200
РАЗГОВОР РЕКИ, ПРИСНИВШИЙСЯ В ГОРОДСКОЙ КВАРТИРЕ	136
РОДИТЕЛЬСКАЯ ДАЧА	73
Россия впрямь талантами богата	182
Сбежав от дел, неторопливо	81
Сезон бродяжий снова завершён	79
СЕНТЯБРЬ	141
Скажешь: «Родина» — сразу услышишь	107
Скоро конец сентябрю	85
Слегка подтаяло, и снова	93
СЛЕД	118
Слова забытого ромansa	31
Снова встретились в старом трамвае	164
Суббота суетна и праздна	113
Судьба моя не балует меня	22
Судьба моя, скажи на милость	87
Счастливым быть легко и просто	39
—Ты любишь? — Да! — А очень любишь? — Очень!	129

У ВОЛОДИ БЕРЯЗЕВА	78
Хоть знаю сам, что грусть умеет стать стихами	94
Четыре холодных шершавых стены	33
ЧИТАЯ АНУАРА АЛИМЖАНОВА	158
ЧУЖОЙ КОТЁНОК	191
Шалаш, размытый лунной тенью	138
ШУТЛИВОЕ СОЧИНЕНИЕ НА МЫСЕ ПЕСЧАНОМ В ДЕНЬ МОРСКОГО ФЛОТА	167
Экспресс «Владивосток-Хабаровск»	153
Я, бывший член советского Литфонда	192
Я был один. И ты была одна	143
Я — воин. Даже больше — русский воин	71
Я вот он весь	154
Я всё хотел сказать, как я живу	133
Я жизнь свою запоминал стихами	198
Я много лет назад с тобой простился	49
Я эти улицы построил	68

Владимир Михайлович ТЫЦКИХ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Стихи

Фото Эльвиры Кочетковой и из архива автора.

Консультант редактор-корректор — *Олег Шелудько*.

Технический редактор — *Эльвира Кочеткова*.

Ответственный за выпуск — *Эльвира Кочеткова*.

Допечатная подготовка — *Владимир Постышев*.

Заказ № 4463 Бумага мелованная

Формат 60x84/32 Гарнитура «Adobe Text Pro»

Усл. п. л. 3,5 Тираж 255 экз.

Подписано в печать 17.05.2024

Печать цифровая.

Отпечатано в типографии ИП Лукьянов С.Е.

Владивосток, ул. Русская, 50, кв. 19.

Без правды нет справедливой жизни.
Факт, она не все. И не каждый способен
постоять за нее. А многие люди оплачивают
страшную цену. Позором бегства, уров-
нями злыбке, утратой родовой памяти и
самой Родиной.

В.л. Тихончук

ISBN 978-5-93577-314-4

9 785935 773144 >